

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
РАЗНЫХ УРОВНЕЙ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Межвузовский сборник научных трудов

1 141 450

Вологда
1989

Н. И. Токко
(Петрозаводск)

О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРОЦЕССА НЕОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В наше время, когда количество накапливаемой человечеством информации удваивается каждые десять лет [1, 3], во многих языках мира заметно активизировался процесс появления новых слов, что дает основание исследователям говорить об исключительно высокой «неогенности» XX века, о неологическом «буме» [2, 43]. Активный процесс неологизации лексики, характерный и для немецкого языка обусловлен ответной перестройкой языка в связи с изменениями в окружающем мире. Разными путями, под влиянием различных тенденций словарный состав языка отражает особенности развития каждого государства, приспосабливается к потребностям эпохи. В качестве причин появления неологизмов принято указывать в первую очередь экстралингвистические факторы: изменения в области общественного развития, материальной и духовной культуры. Появлению неологизмов способствуют и общепризнанные интралингвистические факторы, связанные с потребностью языка в совершенствовании системы обозначений: стремление к уточнению и дифференциации понятий, тенденция к языковой экономии, закон аналогии, стремление к обобщению, потребность в создании новых эмоционально-экспрессивных обозначений.

В лингвистической литературе уже имеются работы, в которых рассматриваются процессы развития лексики немецкого языка, но большинство из них посвящено анализу изменений, происшедших в 40—60-х, начале 70-х гг. В последнее же время интерес к исследованию неологизмов заметно снизился. Но в периоды, когда новые слова появляются в массовом количестве (а последние десятилетия и являются таким периодом), могут рождаться и новые способы создания

названий, а те способы, которые только намечались, могут стать очень продуктивными (4, 47). Поэтому обращение к анализу способов образования неологизмов, появившихся в последние 5—10 лет, с целью выявления актуальных тенденций в процессе неологизации лексики немецкого языка представляется обоснованным и целесообразным. В задачу статьи входит рассмотрение способов образования новых слов, наиболее активных и продуктивных в последнее десятилетие.

Процесс присвоения наименований предметам, свойствам и отношениям может осуществляться по-разному: с помощью создания новых наименований или использования уже имеющихся, а также путем заимствования слов из других языков. С этой точки зрения весь массив проанализированных неологизмов [3] можно разделить на три группы.

В **первую группу** входят слова, ранее в немецком языке не употреблявшиеся, по терминологии Е. В. Розен, «собственно неологизмы» [4, 41]. К ним относятся:

1. Искусственно созданные новые слова, представляющие собой нестандартную конфигурацию звуков, сочетающуюся иногда с традиционными для этого типа слов морфемами обычно греческого или латинского происхождения. Количество искусственных слов в немецком языке довольно невелико, с их помощью создаются наименования новых видов продукции, преимущественно в химической, текстильной, фармацевтической и косметической промышленности: Malipol, Vylan, Polyfleur, Grisuten (названия синтетических тканей), Dulcolax, Panlanat, Procortan, Perscabit (названия лекарственных препаратов), Fay, Spee (названия стиральных моющих средств.).

2. **З а и м с т в о в а н н ы е с л о в а** особенно активно вторгаются в последние годы в немецкий язык, что характерно также и для большинства развитых языков мира. В настоящее время отмечается заметный процесс сближения языков мира в плане содержания [5, 475], и ярче всего он проявляется в области международных отношений, культурного и торгового обмена, в интернационализации научно-технических понятий. В связи с этим поток заимствований расширяется и тематически: наибольшую активность заимствования проявляют в таких сферах, как политика, наука, новинки техники, торговая реклама, музыка, моды, новые формы проведения досуга — glasnost, perestrojka, Briefing,

Publicity, Image, Gerontologie, Informatik, Recycling, Boutique, Break-Dance, Skateboard, Windsurfing, Pizza.

Наибольшее влияние в плане заимствований на немецкую лексику оказывают английский и русский языки, что связано с ведущей ролью СССР и США на мировой арене. Влияние русского языка сравнительно редко выражается в прямых заимствованиях, хотя это и возможно (Nomenklatura, Natschalnik, Kosmodrom, glasnost). Чаше всего русская лексика заимствуется путем образования калек или заимствования значений (Eigenfinanzierung, Kulturfonds, Allunions-Theaterverein, Umgestaltung, Offenheit, Qualitätskontrolle). Таким же способом могут образовываться и новые слова, заимствованные из английского языка, но значительно реже (Sternenkriege, Abschreckungspolitik). Наибольшее количество англоамериканизмов в немецком языке представляют собой прямые заимствования, что объясняется определенными причинами. Прежде всего родство этих языков облегчает вхождение англоамериканизмов в немецкий язык, их ассимиляцию. Большое количество заимствований из английского языка в сфере рекламы, моды, новинок техники вызвано психологическими факторами: стремлением воздействовать на покупателя с помощью необычности, оригинальности звучания этих слов. Глубокое проникновение англоамериканизмов в немецкий язык ФРГ в сферах политики, экономики и военной техники объясняется тесным сотрудничеством этого государства со странами Запада, входящими в замкнутые экономические и военные группировки, зависящие от США, а также насаждением в них американского образа жизни, что приводит к экспансии англоамериканизмов в самых разных сферах лексики: Brain-drain (Abfluß von Intelligenz), Cash-flow (Geld-fluß), Duty-Free-Shops (Zollfreie Geschäfte), Factoring (Form der Unternehmensfinanzierung), Franchising (Konzession), Job-sharing (Arbeitsplatz-Teilung), McDonalds (Sammelbezeichnung für Restaurantketten, Schnellgaststätten), Inter-Rail-Ticket (Netzkarte westeuropäischer Eisenbahngesellschaften).

Нельзя не отметить и роста числа англоамериканизмов в немецком языке ГДР. Но если отвлечься от терминологической лексики и слов, не имеющих немецких синонимов, то языковая мода на англо-американские словечки распространена преимущественно в среде молодежи, что связано с ее интересом к современной музыке, спорту, новым видам прове-

дения досуга (Sound, Single, Break-Dance, Aerobic, T-Shirt). Англоамериканизмы, связанные с этими сферами, большей частью встречаются во многих языках и стали интернационалистами.

Несмотря на то, что употребление иноязычных слов в немецком языке не всегда бывает оправданным, роль их в пополнении словарного состава очень велика. Исследователи ГДР отмечают, что каждое третье заимствование в немецком языке является интернационализмом. Этот факт [6, 112] свидетельствует о том, что в процессе образования неологизмов в немецком языке наблюдается тенденция интернационализации его лексики.

Во вторую группу неологизмов входят так называемые новообразования [4, 41], т. е. слова, образованные из уже имеющихся в языке слов с помощью словообразовательных способов, характерных для немецкого языка. Наиболее продуктивными из них в настоящее время являются следующие способы:

1. **Словосложение.** Этот способ словообразования был и остается самым продуктивным способом образования новых слов. С его помощью образуется наибольшее количество неологизмов в немецком языке: Anpassungsgeld, Vorruchstand, Wohngrün, Ärzteschwemme, Fußballkrawalle, Urlaubszentrum, Negativliste, Hausbesetzung, Umweltkriminalität, Tiefkühltruhe, Kältemöbel, tiefstapeln, bausparen, verkaufsoffen, kältchirurgisch, blickdicht, erlebnisintensiv, gefriergetrocknet, verlustgeplant.

В области словосложения наблюдается растущая тенденция к образованию целых серий композитов с одним и тем же корнем: Umweltzerstörung, Umweltvernichtung, Umweltgesetzgebung, Umweltschäden umweltfeindlich, umweltfreundlich;

weltpolitisch, sicherheitspolitisch, abrüstungspolitisch, friedenspolitisch, wirtschaftspolitisch;
trittfest, splitterfest, hochwarmfest, seitenwagenfest, handfest, taktfest, stichfest, zugfest, sattelfest.

Активно употребляются для образования новых сложных слов заимствования: Informatik-Professor, glasnost-Situation, Waldkiller, Showgeschäft, Waffenmix, Musikfan, Pizzagewürz, Software. Такие композиты также проявляют тенденцию к серийности:

Faltposter, Fotoposter, Kalenderposter, Kinderposter, Künstler-

Poster, Polit-Poster, Porträt-Poster, Tierposter, Posterangebot, Posterprogramm, Poster-Kollektion;

Live-Sendung, Live-Konzert, Live-Gesang;

Jugendboutique, Blumenboutique, Schlagerboutique, Volksliederboutique, Kunstboutique, Zauberboutique, Tropenboutique.

Следует отметить отсутствие единства в написании таких слов, некоторые из них пишутся слитно, другие же через дефис, который используется чаще всего тогда, когда заимствование слабо подверглось ассимиляции.

2. **А б б р е в и а ц и я** как один из способов образования неологизмов получает все большее распространение. Издавна существующая в языке тенденция к компрессии, сжатию средств называния сейчас особенно актуальна. Особенно широко в немецком языке распространены аббревиатуры, возникшие в результате сокращения сложных слов или словосочетаний до первой буквы составляющих их компонентов:

ABS=Anti-Blockier-System

ARI=Autofahrer-Rundfunk-Information

ZGE=Zwischengenossenschaftliche Einrichtung

Многие аббревиатуры, появившиеся в последние десятилетия, заимствованы из английского языка, причем, если немецкие буквенные аббревиатуры сравнительно легко подвергаются расшифровке, то заимствованные сокращения воспринимаются как цельные, единые наименования сложных понятий и не соотносятся точно с соответствующими английскими словосочетаниями:

AIDS (Acquired Immune Deficiency Syndrom) =erworbene Abwehrschwäche

START (Strategic Arms Reduction Talks) =Gespräche zur Verringerung der strategischen Rüstung

STRESS (structural engineering system solver) =Programme für die Lösung der Ingenieuraufgaben.

Аббревиатуры типа START, STRESS сходны по звучанию со словами, существующими в языке, и обладают поэтому двойной мотивацией. Большая смысловая насыщенность слов с двойной мотивацией, тот факт, что они понимаются и по своему основному значению и по значению слова со сходным звучанием обеспечивают выразительность этих слов [7, 53], поэтому такой способ создания аббревиатур применяется все шире в разных языках.

Кроме буквенных аббревиатур, для образования новых слов применяются и другие способы аббревиации:

а) усечение компонентов сложного слова или словосочетания до размеров первого слога (так называемые слоговые аббревиатуры):

Jumo = Jugendmode

Daveka = Dahleener veredelte Kartoffeln

Straba = Straßenbahn

б) цепочечное образование из осколков морфем:

EURATOM = Europäische Gemeinschaft für Atomenergie

FORATOM = Europäisches Atom-Forum

в) усечение различных частей слова:

Disko (thek)

Deo (dorant)

Alko (hol) test

Ku (rz) ko (ch) reis

(Schall) platte

Аббревиатуры проявляют активную тенденцию к участию в образовании сложных слов: ABM-Vertrag, SALT-Vertrag, PUR-Farbe, Deoseife, Mayosalat, Reprofachmann, Dokfilm, Ratiovorhaben. Наиболее активные аббревиатуры, обозначающие актуальные понятия, могут служить базой для образования целых серий сложных слов: SDI-Teil, SDI-Auftrag, SDI-Befürworter, SDI-Gegner, SDI-System, SDI-Projekt, SDI-Programm, SDI-Forschung, SDI-Budget, SDI-Bedrohung, SDI-Mitarbeiter, SDI-Realisierung, SDI-Ausschuß, Anti-SDI-System.

3. А ф ф и к с а л ь н о е с л о в о п р о и з в о д с т в о. Неологизмы образуются также и с помощью аффиксации. Префиксы и суффиксы могут присоединяться как к исконно немецким словам, так и к заимствованным: Aufkleber, Zumast, Umverteilung, umrüsten, umprogrammieren, überblenden, verabsolutisieren, jazzig, rockig

Третью группу неологизмов образуют так называемые семантические неологизмы [4, 41], возникшие в результате появления уже имевшегося в немецком языке слова нового значения, например:

verschlüsseln — 1. einen Text in eine besondere, für andere nicht verständliche Form bringen;

(нов.) 2. Daten, Informationen in eine Darstellungsform, einen Algorithmus umsetzen, um sie zur Bearbeitung, besonders durch elektronische Datenverarbeitung geeignet zu machen

- vorfahren — 1. nach vorn fahren, vorausfahren;
(нов.) 2. beim Abspielen eines Tonbandes einen Teil
der Aufnahme überspringen

В последнее время большая группа имен существительных приобрела новое значение — название оттенков цвета: Aluminium, Bambus, Cyclam, Delphin, Eiskaffee, Flamingo, Goldlack, Heliotrop, Java, Koralle, Liane, Mais, Nougat, Ochsblut, Pergament, Rauch, Sahara, Schokolade, Tarragon. Такие обозначения цветовых оттенков применяются в текстильной и кожгалантерейной промышленности. Существительные, обозначающие такие цветовые нюансы могут служить базой для образования сложных прилагательных с компонентом «farben»: kognakfarben, sektfarben, goldlackfarben, kornblumenfarben.

Таким образом, неологизмы в современном немецком языке представляют собой крупные и разнородные группы слов. Являясь продуктом современных словотворческих процессов и заимствования, они создаются, подчиняясь требованиям времени и сообразно господствующим в данное время вкусам и взглядам носителей языка.

Кроме словообразовательных способов, семантического изменения значения, заимствования в целях номинации, для обозначения новых явлений используется и синтаксический способ номинации, т. е. создание названий, состоящих из двух и более слов. Такие словосочетания характеризуются устойчивостью и идиоматичностью. Особенно продуктивно в настоящее время образование новых словосочетаний для обозначения явлений в области политики. Такие словосочетания обозначают чаще всего политические явления, актуальные для всего человечества, связанные с борьбой за мир и разоружение, поэтому такие синтаксические неологизмы большей частью являются интернационализмами:

neues Denken

neue Denkweise

Ausweitung des Wettrüstens auf den Weltraum

konstruktiver Dialog

nuklearfreier Korridor

Prinzip des Pakets

nukleare Katastrophe

Благодаря средствам массовой информации такие неоло-

гизмы очень быстро становятся известными всем людям мира.

Пополнение словаря новыми словами протекает в современных языках большей частью примерно аналогичным способом. Новая лексика многих языков в значительной степени совпадает тематически, так как она связана с общим культурно-историческим развитием современного общества. Новые явления в политике, научные открытия, новые течения в искусстве, новинки техники и моды — все это требует словесной номинации одновременно во многих языках и осуществляется примерно сходным образом. Важную роль при этом играют такие общие для развития разных языков явления, как необычайная скорость и доступность получения информации о том, что происходит в мире, с помощью, как уже говорилось, средств массовой информации. Это и приводит к интернационализации новой лексики, к увеличению доли заимствования сходной иноязычной лексики и словосочетаний и к большему использованию иноязычных способов номинации, к возникновению новых моделей, имеющих интернациональные аналоги. Например, в немецком языке активно используется словообразовательная модель с первым компонентом *nicht.*: *Nichtersteinsatz, Nichtbeteiligung, Nichtpraktgebundenheit.*

Примерами сходных по своей структуре номинаций интернационального характера могут служить также и следующие модели словосочетаний:

а) прилагательное + существительное/вместо типичного для немецкого языка сложного слова: *unser gemeinsames Haus, globale Vorherrschaftspolitik, weltanschaulicher Bereich;*

б) (день, неделя, месяц,) год + существительное в родительном падеже: *Jahr des Kindes, Jahr des Friedens, Woche der sozialistischen Pionierhilfe.*

Чтобы новая единица языка — новая морфема, новое слово или словосочетание, какими бы путями она ни пришла в язык, стала полноправной, необходимо, чтобы она была принята носителями языка, освоена ими и регулярно употреблялась. Этому способствует тот факт, что новая лексика как бы подстраивается к существующей, включаясь в тематические, словообразовательные, семантические (например, синонимические или антонимические) ряды, заполняя собой некоторые существующие в языке лакуны.

Выводы: Характерное усиление процесса неологизации

в немецком языке обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами. Пути возникновения и способы образования новых слов в немецком языке различны, в связи с чем новая лексика представляет собой разнородные группы: собственно неологизмы, новообразования, семантические неологизмы и новые словосочетания. Способы образования неологизмов в немецком языке многочисленны и в разные периоды развития языка могут характеризоваться различной степенью активности и продуктивности. В ходе анализа неологизмов, появившихся в немецком языке в последнее десятилетие, были выявлены следующие тенденции в процессе неологизации немецкой лексики:

- а) интернационализация лексики, рост числа заимствований,
- б) ведущая роль модели словосложения, активное участие в ней заимствованных морфем и слов, тенденция к серийности новых композитов с одним и тем же компонентом,
- в) значительное возрастание роли аббревиации, активное участие аббревиатур в образовании сложных слов, тенденция к серийному образованию таких композитов,
- г) возрастание роли синтаксического способа номинации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лейчик В. М. Люди и слова. — М., 1982.
2. Волков С. С., Сенько Е. В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития// Новые слова и словари новых слов. — Л., 1983.
3. Материалом исследования послужили примеры из текстов периодических изданий ГДР и ФРГ последних лет, словарей и справочников, а также из текстов художественной прозы (всего около 3000 неологизмов).
4. Гулыга Е. В., Розен Е. В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. — Л., 1977.
5. Конрад Н. И. Запад и Восток. — М., 1972.
6. Thiel R. Die Behandlung englischer Wörter im Deutschen. Sprachpflege, 1984/5.
7. Сергеев В. Н. Неология и терминологические пристатейные словари// Новые слова и словари новых слов. — Л., 1983.

**СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ
СКАЗОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ И
ЕГО ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

Наиболее концентрированной формой субъективизированной прозы является сказовое повествование. В филологии под сказом понимается «принцип повествования, основанный на стилизации в монологе стиля подставного рассказчика, как правило, представителя какой-то общественно-исторической или этнографической среды». [1] В немецкой специальной литературе аналогом русского термина «сказ» является понятие «персонифицированное рассказывание» [2], отождествляемое с перволичным субъективным повествованием «Ich-Erzählung», типологические черты которого выводятся в сопоставлении с aukториальной формой. Так, К. Форстрейтер важнейшим дифференциальным признаком «Ich-Form» считает особую фиксацию повествователя во времени и пространстве произведения [3]: рассказчик освещает события изнутри, находясь в том же пространственно-временном мире, что и остальные действующие лица, в то время как «Er-Form» предполагает нахождение вне событийного плана.

С данной особенностью связана еще одна типологическая черта персонифицированной формы — субъективность взгляда на мир, сознательно задаваемая автором введенному им рассказчику. Именно этим объясняет И. Фогт необычайное оживление традиционного перволичного повествования в различных вариациях в современной литературе [4]. Субъективизация повествования имеет опору в двойственности категории «Ich»: с одной стороны, это субъект, переживший когда-то описываемые им события, с другой стороны, — субъект, изображающий факты, к которым он сопричастен. Являясь типологическим признаком «Ich-Form», эта двойственность формирует всю временную структуру художественного произведения, основанную на чередовании контрапунктов: прошлого, пережившего какие-либо события, и настоящего, повествующего о них [5].

Рассмотренные типологические признаки персонифицированного повествования сближают его со сказом и являются

необходимыми, но недостаточными структурообразующими элементами сказа как особой повествовательной формы, основанной на подмене изображения рассказом. По своей характеристике «сказывание» — монолог повествующего типа, построенный как воспоминание, а всякий «монолог есть не что иное, как перенесенный во внутреннюю речь диалог между я — говорящим и я — слушающим» [6]. Отсюда вытекают два важнейших функциональных признака сказа:

- 1) ориентация на слушателя и, как следствие, —
- 2) установка на произносимую речь.

Являясь центральным звеном сказового повествования, вымышленный рассказчик раскрывает себя в процессе рассказа как представитель определенной социальной среды, вносящий в произведение принципы и критерии оценок своего социального окружения. Подразумевание в сказе не читающего, а слушающего получателя информации придает монологу рассказчика характер адресованной, направленной речи. Прагматичность, свойственная любому речевому акту, имеет в сказе свои преломления, т. к. предполагает ориентацию на конкретного слушателя, на определенную модель адресата, на «апперцепцию людей своего круга» [6]. Проведение фактов реальности через конкретное, воспринимающее сознание активизировало развитие сказовых форм в демократической литературе и создало новаторскую структуру, которой свойственно гармоническое соотношение личности и общества.

Материализованной формой участия слушателя в процессе порождения текста становится установка на устную, произносимую речь, создание иллюзии звучащего голоса. Условием реализации устности в сказе служит воспроизведение ситуации непосредственного общения повествователя со слушателем, возникающей на основе имитации аутентичности времени порождения речи и времени ее восприятия. Сказовое повествование как специфическая модификация непосредственного говорения обладает целой системой лингвистических средств актуализации устности, среди которых ведущее место занимают художественные эквиваленты устной речи, регулируемые основным текстовым признаком монолога в сказе — его репродуктивностью.

Таким образом, основным структурообразующим принципом сказа становится не развитие и логическая последовательность сюжета, а сам процесс повествования — процесс

текстобразования. Событийно-фабульное движение подчинено логике субъективных мотиваций повествователя и ориентируется на ассоциативную связь через его угол зрения.

Двойственная сущность вымышленного рассказчика: он одновременно и субъект речи, и ее объект, влияет на всю структуру сказа, создавая его «двумерность» [7].

Наиболее конкретно двумерность представлена в пространственно-временной организации сказа. Философские категории времени и пространства тесно связаны между собой и имеют в художественном тексте свои специфические особенности. Взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, М. М. Бахтин называет «хронотопом» (времяпространство). Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем. Художественный хронотоп характеризуется пересечением и слиянием этих примет [8].

Временная перспектива в сказе ориентирована на временной опыт повествователя с установкой на достоверные воспоминания о прошлом. Дистанция между прошлым и настоящим рассказчика накладывает свой отпечаток на характер художественного времени в сказе: оно неизбежно должно отражать фактическое, концептуальное время, и субъективное, перцептуальное время [9].

В качестве материала исследования в данной работе избран роман Ульриха Пленцдорфа «Легенда о счастье без конца» [10], представляющий чистый сказ, где актуализована нетождественность автора и его маски — вымышленного рассказчика в образе старой жительницы Берлина, пережившей все тяготы и последствия гитлеризма.

Пространственно-временная организация сказа: подчинение фабульного развития не хронологическому движению, а логике субъективных оценок и суждений повествователя, в первую очередь реализуется перцептуальным временем и основана на его возможности двигаться в обратном направлении, опережать события, замедлять или ускорять свой бег, останавливаться, т. е. на его прерывности. Прерывность перцептуального времени как элемента художественного времени обеспечивает структурное соотношение разных временных планов сказа: прошлого и настоящего, создавая тем самым внутреннюю временную перспективу. Она возникает как следствие фиксированной физической позиции рассказ-

чика, находящегося в одном пространственно-временном мире с другими персонажами. Ее назначение состоит в введении в ткань произведения субъективного мироощущения повествователя, которое регулирует принципы отбора и связи различных временных пластов, последовательность событий и эпизодов, увеличивая либо уменьшая дистанцию между прошлым и настоящим, прерывая тем самым континуум.

Результатом прерывности художественного времени являются ретроспекция и проспекция [11]. Основная функция ретроспекции состоит в отыскании в повествовании «степеней прошлого», включение в него воспоминаний. Предлагаем различать логическую и ассоциативную ретроспекцию, в зависимости от способа отсылки к предшествующей информации.

Логическая ретроспекция возникает на основе причинно-следственных связей, имеющих, как правило, открытый, эксплицитный характер и располагает традиционными формами выражения.

Более богатым репертуаром средств актуализации обладает ассоциативная ретроспекция, в которой регулятором отбора событий, их сцеплений, сопоставлений или противопоставлений служит эмоционально-оценочный критерий повествователя. Возврат к прошлому, его осмысление либо переосмысление возможны только благодаря ассоциациям. В психологии принято различать 3 типа ассоциаций: 1) по сходству, 2) по смежности, 3) по контрасту.

Ассоциации по сходству возникают при повторении сходных сигналов, указывающих на воспроизведение каких-либо мотивов или тем. Существенной особенностью мотива является его ретроспективное раскрытие.

Ассоциации по смежности опираются на причинно-следственные отношения между явлениями. Следствие по своей сущности ретроспективно, т. к. предполагает возврат к прошлому для выявления связующих моментов в определенной временной протяженности. Особенно зримо ассоциации по смежности вырисовываются в метонимических переносах, в которых может производиться субституция названий признаков. Семантико-ассоциативное сближение представлений о явлениях в природе и о каких-либо фактологических моментах в жизни героев вводит в повествование сказочные, фантастические моменты, придающие сказу поэтичность.

Ассоциации по контрасту конструируются по принципу

дистантного расположения противопоставляемых компонентов, что в свою очередь обуславливает различие временных срезов и релятивный характер ретроспекции по отношению к «точке отсчета». Члены оппозиции «раньше» — «позже» могут получать соответственно ретроспективное либо проспективное значение в зависимости от их исходного положения. Ассоциативная ретроспекция по контрасту возникает при повторе маркированного члена оппозиции.

Проспекция — один из приемов повествования, дающий читателю возможность яснее представить себе связь событий. Проспекция, как и ретроспекция, в ходе развития сюжета выполняет функцию ретардации, однако в отличие от ретроспекции проспекция чрезвычайно динамична.

В структуру перцептуального времени входит также сюжетное время, т. е. длительность действия. Сюжетное время не соответствует календарному времени, это тоже условность, «литературная конвенция — договор между читателем и писателем о законах данного произведения» [12]. Сюжетное время обладает квантитативностью, т. к. в его структуре заложены возможности замедления и ускорения движения.

В сказовом повествовании выделяются лингвистические сигналы протяженности события во времени, которые создают эпический фон повествования:

1. конструкции с повтором сказуемого либо его элементов:
Und er baute und baute (13)
Sie wurde und wurde nicht fertig (58)
2. конструкции с антонимичными сказуемыми:
Sie zog den Jungen aus, zog ihn an (85).
3. конструкции с обозначением действия с активной и пассивной семантикой:
So konnte er sehen und gesehen werden (82).
4. конструкции с обозначением действия и его результата:
Und dann konnte es los gehen. Und es ist losgegangen. (50)
5. конструкции с воспроизводимым элементом, усиливающим сказуемое: Und Paula schloß leise die Tür zu (39).
6. конструкции с перечислением действий, соединенные в одну временную линию союзом und:
Sie ließ Paul machen und tun und reden... (85).

Протяженность событий во времени ведет к замедлению темпа рассказа и способствует созданию иллюзии припоминания прошлого с оттенком размышления.

Квантитативность сюжетного времени располагает также системой лингвистических сигналов ускорения времени. Сстяжение времени конденсирует события, сокращает дистанцию между прошлым и настоящим, приближая к читателю судьбы героев и делая его сопричастным к рассказу.

Наиболее частотным средством ускорения временного развития является характерная для сказа формула «Eines Tages», которая переключает события в новый темпоральный срез.

Довольно распространены конструкции с указанием на результат процесса без изображения протекания действия.

Представляется целесообразным выделить в особую группу средства ускорения времени, опирающиеся в своей основе на двойственный характер сюжетного развития.

В начале романа действие разворачивается стремительно, конденсация событий во времени создает напряженность. Рассказчик строит конкретный план на основе описания фактов, обстоятельств в сжатом временном развитии. Берлин пережил тяжелые для него последние военные дни, послевоенную разруху, страх и отчаяние. Перед слушателем предстают картины детства и юности главных героев, их искания, потери, разочарования. Скачкообразное развитие реалистической линии во времени актуализовано главным образом перечислениями. Мелькание эпизодов создает впечатление смены кадров: прошлое соседствует с настоящим, настоящее устремлено в будущее. Скрепками разных временных пластов служат повторы.

Двойной план сюжета позволяет по-новому осмыслить структуру сказа, основные мотивы которого — мотив любви, жизни и смерти, включаются в пространственно-временную перспективу повествования опосредованно, сквозь призму видения повествователя и его оценки конкретных жизненных явлений. Воскрешение Паулы в образе Лауры основано на чисто физическом сходстве обеих женщин. Кровоточащее сердце, которое всюду рисовал Пауль как символ любви, мгновенно становится достопримечательностью Берлина и распространяется по всей республике. Реальные факты получают философское переосмысление, перерождаясь в ходе повествования в мотив вечности любви и перерастают временные рамки сказа.

Соотнесение комплекса оценок и суждений автора с определенным образом слушателя или, иными словами, лите-

ратурная идентификация, направлена на выяснение типа партнера, которого автор избирает себе для общественного диалога и сотворчества. Литературная идентификация, таким образом, раздвигает рамки «я» вымышленного рассказчика, включает в произведение объемный социальный контекст, обеспечивая движение от характерологичности к социальности, обобщенности. Фабульный принцип построения художественного произведения, отображение какой-либо части мира посредством индивидуального, частного способствует выявлению типического и в конечном итоге ведет к выражению объективного содержания, не существующего вне субъективного преломления.

Таким образом, темпоральная картина сказового повествования предстает очень многослойной. Проспекция и ретроспекция как грамматические категории текста, а также квантитативность сюжетного времени отражают на лингвистическом уровне двойственную природу семантического развития художественного текста, когда связность обеспечивает его цельность, а основным условием динамики текста, как мы убедились на примере сказа, является прерывность логической последовательности повествования. Однако текст не рассыпается на отдельные, хаотически разбросанные во временной протяженности эпизоды, т. к. все они подчинены внутренней временной перспективе с ее функцией оценки, выдвижения, переакцентуации, обращенности к читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь литературоведческих терминов/Под ред. Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. — М., 1974. — С. 354.
2. Mierau Fritz. Die fünf Minuten des Isaak Babel. In: Babel Isak. Die Reiterarmee. Mit Dokumenten und Aufsätzen in Anhang.— Leipzig, 1975,— S. 333.
3. Forstreuter K. Die deutsche Ich—Erzählung.— Berlin, 1924,— S. 49.
4. Vogt J. Aspekte erzählender Prosa.— Westdt. Verlag, 4. Aufl., 1979.— S. 36.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. — С. 317.
6. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русского языка.— М., 1976. — С. 260.
7. Ингарден Р. Исследования по эстетике. — М., 1962. — С. 22—23.
8. Бахтин М. М. Время и пространство в романе. — ВЛ, 1974, № 3.— с. 133.

9. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. — М., 1979. — С. 23.

10. Plenzdorf Ul. Legende vom Glück ohne Ende. Romanzeitung, Verlag Volk und Welt, — Berlin, 1981, Heft 373.

11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981. — С. 105—113.

12. Шкловский В. Конвенция времени. — ВЛ, 1969. — № 3. — С. 127.

Все примеры цитируются по указанному изданию Пленцдорфа. В скобках указаны страницы.

В. Т. Двинская

(Петрозаводск)

ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Термин «синкретизм» довольно часто употребляется в языкознании, но при внимательном рассмотрении нетрудно убедиться, что обозначаемый этим термином тип формально-содержательной асимметрии представляется в весьма туманном и расплывчатом виде. Поскольку до сих пор нет общей теории синкретизма языкового знака, то в частных работах, так или иначе касающихся этого вопроса, встречается много противоречий. Поэтому нам представляется целесообразным выяснить сущность этого явления сначала в общефилософском плане, а затем рассмотреть его в приложении к языку.

Сам термин «синкретизм» происходит от древнегреческого *synkretismòs* — «соединение» и широко употребляется во многих сферах общественной жизни. Им обозначается: 1) нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления (например, искусства на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, танец не были отделены друг от друга; нерасчлененность психических функций на ранних стадиях развития ребенка и т. д.), 2) смешение, неорганическое слияние разнородных элементов (например, различных культов и религиозных систем в поздней античности — религиозный синкретизм периода эллинизма). В трудах А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, В. В. Иванова, П. Г. Богатырева, Л. С. Выготского, А. Я. Гуревича, В. Кандинского, А. А. Потебни,

П. А. Флоренского, О. М. Фрейденберг, С. М. Эйзенштейна прослеживается мысль о том, что в праистории любого художественного явления и развития синкретизм наблюдается не как **смешение**, а как **отсутствие различия** между определенными поэтическими родами. В работах С. М. Эйзенштейна, который особенно интересовался проявлением синкретического (дологического) мышления в жизни и искусстве современного человека, много примеров, где в нашем обычном поведении наблюдается неразличение между знаком и денотатом [4, 66].

Следующим моментом, заслуживающим пристального внимания, является мысль о том, что без тенденции «к регрессу» (т. е. к первобытному синкретизму) в искусстве нет формы, как без тенденции «к прогрессу» — нет содержания [4, 67]. То же самое встречаем у Т. Манна: «У интересных явлений жизни..., по-видимому, всегда есть двойной лик, обращенный к прошлому и будущему, они, по-видимому, всегда одновременно прогрессивны и регрессивны» [13, 263]. Ярче всего эта мысль выражена у С. Эйзенштейна. Он считал, что для эффективного воздействия произведения искусства необходимо использование архаических черт в самой его форме (соотносящейся с соответствующими пластами в подсознании воспринимающего это произведение) и соединения с этим содержательных черт, свойственных новому этапу, т. е. по существу, это логическое развитие того представления об архаичности форм искусства, которое заложено в теории первобытного синкретизма. С. Эйзенштейн считал, что на новом этапе развития человечества надо стремиться к созданию нового синкретического искусства, тем более что синкретизм, засвидетельствованный в искусствоведении, этнологии, фольклористике и т. д., никогда не был ограничен одним периодом в истории знаковых систем, а циклически возникал и в последующие периоды.

Имеющиеся определения языкового синкретизма нечетки и мало затрагивают его языковую специфику. В «Словаре лингвистических терминов» О. А. Ахмановой сказано: «Синкретизм — 1. Функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций), совпадение означающих при различении означаемых. 2. Сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохра-

нящихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии». Уже из этого определения с достаточной ясностью следует, что нет каких-либо критериев для отграничения синкретизма от явлений омонимии, полисемии, нейтрализации и контаминации и языковой синкретизм требует еще своего детального изучения.

В качестве типичного примера синкретизма обычно называют аблатив в латыни, который выражает инструментальное и местное значения. На это обращает внимание Я. Ваккернагель, приводя в числе различных примеров сочетание *currū vehi (im Wagen fahren)*. Хрестоматийным стало также утверждение, что немецкий датив является «синкретичным падежом (*ein synkretistischer Kasus*)», в котором, помимо идущих из индоевропейского исконно дативных функций, совмещаются еще и функции исчезнувших аблатива, локатива и инструменталиса. Одной из первых работ, до сих пор сохраняющих свое значение, по вопросу синкретизма в морфологии немецкого языка является исследование Б. Дельбрюка [11].

На современном этапе развития лингвистической науки своеобразным толчком к несколько новому пониманию синкретизма послужило высказывание Л. Ельмслева о том, что в плане содержания могут быть явления, аналогичные явлениям фонологической нейтрализации. Он приводил пример синкретизма *Ass.* и *Nom.* в латыни, где они имеют окончание *-um* под доминацией среднего рода. Различные мнения и материалы по вопросу нейтрализации за пределами фонологических систем содержатся в сборнике [14]. Различные виды нейтрализации в подобном плане на материале русского языка описаны Д. Н. Шмелевым [10, 122—125].

Последней по времени появления в свет и, пожалуй, единственной работой, посвященной синкретизму в морфологии современного немецкого языка, является кандидатская диссертация В. И. Куракова [5]. Автор выделяет различные типы синкретизма и рассматривает действие синкретизма в системе немецких частей речи, делая вывод о том, что синкретизм — мощное средство увеличения функциональной подвижности словаря без увеличения количества словесных знаков.

Однако есть еще один вид синкретизма, который до сих пор нигде не получил сколько-нибудь освещения. Это синкретизм синтаксический. В лингвистических справочниках

он определяется как «синтаксическая двусмысленность, возникающая вследствие формального неразличения разных синтаксических категорий». То, что синтаксический синкретизм не рассматривался нигде в специальных работах, объясняется, вероятно, необычайным развитием структурализма, который несправедливо оттеснил в сторону изучение многих элементов языка, особенно тех, которые плохо или совсем не поддаются формализованному анализу. Еще с XIX века стало ясно, что язык — это прежде всего *energeia*, а не *ergon*, следовательно, язык представляет собой неразрывное слияние непрерывности и прерывности. Если принять точку зрения А. Ф. Лосева и рассматривать язык как поток сознания, то в языке вообще не существует абсолютной прерывности, «но всякий прерывный элемент всегда заражен той или иной динамикой окружающей его семантики» [6, 454—455]. Язык трактуется обычно как расчлененные мысль и выражение, по аналогии с членораздельной речью. Но вместе с тем членораздельность языка трудно представить себе в абсолютном виде не только в области артикуляции, но и в области содержания выражаемой в языке мысли.

Примеры этому мы находим в большом количестве при анализе древне- и средневерхненемецкого материала, в частности, при анализе семантики трехкомпонентных предложных конструкций. Автор значительного исследования о древних предлогах Г. Крёмер пишет: «...возможно, что предлог по каким-либо другим причинам, например, звуковое совпадение, исчезает, а со временем другой принимает его функцию» [12, 418]. В такой ситуации может произойти, что один предлог в конце концов объединяет в себе значения многих, — явление, которое К. Бругман называет «*präpositionaler Synkretismus*». Затемнение грамматического смысла наблюдается в тех случаях, где элементы конструкции образуют такую комбинацию, которая возможна при нескольких значениях предлога. Это происходит, как правило, на границе обстоятельственного и объектного, обстоятельственного и атрибутивного, а также на границе различных обстоятельственных значений предлогов. Общее количество примеров с синкретичными конструкциями в двн. составляет около 10%, например: **Riat got imo ofto in notin** (0, посвящение, 23) — Господь часто советовал ему в нужде; ...**druhtin half imo sag in notlichen uuerkon** (0, посвящение, 25) — Господь тогда помогал ему в трудных делах. Эти примеры можно отнести

к объектному употреблению *in*, возникшему, вероятно, на основе переосмысления локального отношения; но их можно понимать и как выражение темпорального отношения: «советовал, помогал, когда тот нуждался, во время затруднений». ...*Endi in imu uuerdhant chiuuihit alliu aerdhchunni* (I, VII, 20) — в этом примере предлог *in* может иметь как локальное значение: «и в нем найдут благословение народы земные», так и каузальное: «и благодаря ему, из-за него, будут благословлены все народы земные». ...*thes thih henti mine zi doufene birine?* (0, 1, 25, 6) — чтобы руки мои коснулись тебя для крещения, — в этом случае конструкция имеет финальное значение, или «при крещении», т. е. «во время крещения». В этом случае мы должны признать за предлогом темпоральное значение.

Особенно многочисленна группа, возникающая на стыке обстоятельственного и атрибутивного употребления предлогов. Появление такой группы становится возможным при учете той роли, которую выполняет в предложении порядок слов. В качестве основных моментов при квалификации конструкций как атрибутивных Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева и Л. В. Шишкова называют примыкание и синтагматическое единство [3, 273] [9]. Однако исследователями двн. периода установлено, что в ту эпоху порядок слов не был фиксированным, все отмечают определенные тенденции, которые могут допускать различные отклонения. В связи с этой относительной свободой порядка слов в некоторых случаях бывает очень трудно определить границу синтагмы, а следовательно, возникают большие трудности при отнесении предложных конструкций к атрибутивным или обстоятельственным: ...*Thaz scef in mittemo seue uuas givvuophozit mit then undon* (T, 81, 1, 21) — корабль посередине моря стонал под действием волн. В этом примере предложную группу *in mittemo seue* можно рассматривать как атрибутивную, характеризующую существительное *scef* по локальному признаку, и как обстоятельную, выступающую в качестве локального конкретизатора действия.

Наличие синкретизма обстоятельственных и атрибутивных отношений вообще представляет собой специфику предложного атрибута в двн. Особенно показательны конструкции с предлогом *fon*: ...*prôt fon himile gab her in ezzan* — (T, 32, 5, 39) — хлеб с неба дал он им есть; ...*Quam thô uuîb fon Samariu sceffen uuazzar* — (T, 87, 2, 21) — пришла тогда

женщина из Самарии набрать воды; *Thô eroucta sih engil fon himile* — (Т, 182, 1, 29) — тогда явился ангел с неба.

При выражении предложениями объектной функции количество их синкретического объектно-обстоятельного употребления снижается и составляет около 1,2% от всего количества свн. примеров. Значение предлога не поддается однозначному определению в тех случаях, где происходит одновременное выражение нескольких значений с помощью одной морфологической формы [2, 22]. ...*dâ si bluomen zeinem kranze brichet den si zuo dem tanze tragen wil* (Minnesang, 235, 37) — тут она срывает цветы для венка, который она наденет в танце (во время танца). Такая двойственность вполне закономерна: она обусловлена наличием отглагольных имен действия (*nomina actionis*), которые, с одной стороны, дают наименование какому-либо процессу, что делает возможным употребление этих существительных в локальном значении, а, с другой стороны, имеют значение протяженности во времени, — неотъемлемое свойство какого бы то ни было процесса. Естественно, что при этом возникает темпоральное значение. При совпадении локального и темпорального значений возможно наслаивание и других значений или их оттенков: ...*ih wil zer verte niemen mere han* (Nibelungen, 65) — в дороге мне больше никто не нужен. Здесь возникает дополнительный оттенок — финальный, обусловленный семантикой существительных. Предлог *von* может также совмещать несколько значений: ...*als ein spênlin riset von eines zimmermannes ax...* (LL, 158, 8) — как стружка струится с топора плотника. В этом примере глагол движения *risen*, типичный для локального значения, сочетается с существительным, обозначающим инструмент. В результате соединения этих двух компонентов, каждый из которых входит в группу разных значений, возникает синкретизм локального и каузального значений: топор плотника каузирует появление стружки, но стружка валится с топора. ...*von den der künec Gunther schaden grôsen sît gewan* (Nibelungen, 1999) — от которых (из-за которых) король Гунтер получил затем много зла. Здесь можно отметить совмещение каузального значения и значения происхождения, возникающее в значительной степени оттого, что местоимение *den* замещает одушевленное существительное «друзья» и «свита». Именно поэтому они могли служить не только причиной зла, но и его исполнителями.

Наибольшее количество проявлений синкретизма в значениях (0,7%) наблюдается у предлога *mit*, что объясняется, по-видимому, его функционированием преимущественно в сфере абстрактных отношений. Способность предлога обозначать социативность в самом широком плане вызывает к жизни новые оттенки значения: ...*frouwe, unser nôt/ist mit fröuden zergangen* (Parzival, 1, 603) — госпожа, наша беда прошла с радостью; *liebe tuoz dicke mit leide zergân* (Minnesang, 82, 22) — любовь, должно быть, часто исчезает со страданием. В обоих примерах совмещаются темпоральное значение (беда проходит, когда наступает радость; любовь — с наступлением страданий); значение совместности или одновременности (беда уходит вместе с радостью; любовь — вместе с страданием) и значение инструментально-каузальное (радость или страдание — причины или средства, способствующие тому, что проходит беда или любовь). Такой синкретизм значений возможен потому, что все четыре существительные (*nôt, liebe, fröude, leid*) являются абстрактными отглагольными именами.

Синкретизм в объектно-обстоятельственном употреблении предложных конструкций в свн. снижается, что объясняется некоторыми процессами, происходившими в структуре предложения в целом: размежевание групп существительного и глагола, развитие аналитических форм сказуемого, растущее использование рамочной конструкции и т. д. Все это ведет к снятию расплывчатости границ между синтагмами, которая была столь характерна для двн. Но хотя общий удельный вес этой переходной группы снижается, она не исчезает, и ее существование не случайно, а глубоко закономерно, что подтверждается ее наличием и в современном немецком языке. Существование таких переходных групп является неопровержимым доказательством постоянных и непрерывных изменений в языке.

Больше всего примеров с конструкциями переходного типа составляет предлог *von*. Это объясняется большим количеством присущих ему значений, широким участием в сфере обозначения абстрактных отношений и высокой степенью его грамматикализации, например: ...*od bistû ûf die rede brâht/von bete od dînes herren drô?* (Heinrich, 1077) — или тебя заставила заговорить просьба или угроза твоего господина? — в этом примере значительную роль играет пассивная структура предложения, благодаря которой в предлож-

ной группе возникает агентивное значение, подкрепляющееся препозитивным генитивным определением к слову *dgô*, содержащим косвенное указание на агенс. Однако в силу того, что существительное *bete* и *dgô* являются нарицательными и абстрактными, в конструкции по аналогии с уже имеющимися моделями, одновременно возникает каузально-инструментальное значение, при котором предложная группа содержит указание либо на причину возникновения разговора (потому что господин просил или угрожал), либо на средство, употребленное для того, чтобы высказывание состоялось. Последние два значения невозможно отделить друг от друга, так как средство является одновременно и причиной действия.

Сложности, отмечавшиеся в двн. при квалификации атрибутивных конструкций, встречаются и в свн. периоде. Однако в целом положение существенно меняется. Изменения эти носят прежде всего количественный характер. Резко снижается количество так называемых «переходных» случаев, где невозможно однозначное установление значения конструкции. Но окончательно эта группа не исчезает.

Во всех проанализированных примерах наглядно проявляется стремление означающего обладать иными функциями, нежели его собственная (во всех случаях первоначальная функция — обстоятельственная), и подтверждается существование в объективной действительности массы переходных случаев. Воспользовавшись термином А. Шаффа, можно говорить о «нестрогости» синтаксических моделей, являющейся следствием асимметричности языковых единиц-знаков и порождающей различные промежуточные образования, в которых выражается коллизия между формой и функцией.

В литературе, как правило, отмечают синкретизм в выражении объектно-обстоятельственных отношений в древние периоды развития языка, возникающий в результате особенностей структуры древнего предложения. Проанализированный материал подтверждает это наблюдение. Из работ последнего времени синкретичное совмещение в одной и той же предложной структуре значения дополнения и значения обстоятельства отмечает А. А. Хадеева-Быкова (на анализе примеров типа: *under the table — under what? where?*) [8, 177]. Она трактует это как слияние двух разных единиц семантического языка, происходящее благодаря явлению кон-

фигурации. Случаи синкретизма в причинно-следственных отношениях, совмещение каузальных и темпоральных, каузальных и кондициональных и т. п. значений отмечают Е. И. Власов, Р. Г. Султанова, объясняя их влиянием семантики модификаторов [2] [17].

Таким образом, синкретизм рассматривается как одновременное присутствие в определенном употреблении предложных конструкций сочетания или соединения минимум двух смысловых отношений предложной конструкции к остальному составу предложения, каждое из которых выступает в других случаях употребления предложной конструкции с данным предлогом как особая, свойственная предложному сочетанию синтаксическая функция. Синкретизм не равен обычной многозначности, полисемии, которая снимается контекстом, реализующим одно определенное значение формы. Синтаксический синкретизм является ярким выражением асимметричности языкового знака, вызывающей постоянное перемещение адекватной позиции знака вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белошаркова В. А. Современный русский язык. Синтаксис.— М., 1977.
2. Власов Е. Н. Предложно-именные словосочетания с причинным значением в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Киев, 1973.
3. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык.— М., 1957.
4. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР.— М., 1976.
5. Кураков В. И. Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.— Л., 1978.
6. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф.— М., 1982.
7. Султанова Р. Г. Группа предлогов, выражающих причинные отношения в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.— М., 1968.
8. Хадеева-Быкова А. А. Об одной модели порождения синтаксических значений структуры «предлог+существительное»//Проблемы германской филологии.— Рига, 1968.— С. 160—193.
9. Шишкова Л. В. Определение в современном немецком языке.— Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.— Л., 1953.
10. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка).— М., 1973.
11. Deibrück В. Synkretismus. Ein Beitrag zur germanischen Kasuslehre.— Straßburg, 1907.
12. Krömer G. Die Präpositionen in der deutschen Genesis und

Exodus.— Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 39.— Halle, 1914.— S. 403—523.

13. Mann T. Doktor Faustus.— In: Gesammelte Werke. Bd. 6.— Berlin, 1955, S. 510.

14. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Vol. 6.— Prague, 1936.

Источники и принятые сокращения

Древневерхненемецкие (двн.) памятники:

(1) — Der althochdeutsche Isidor. Hrsg. von H. Eggers.— Tübingen, 1964.

(0) — Otfrids von Weissenburg Evagelienbuch. Hrsg. von Dr. J. Kelle. Bd. I—III.— Manz, 1856—1861.

(T) — Tatian. Hrsg. von E. Sievers.— Paderborn, 1872.

Средневерхненемецкие (свн.) памятники:

(Heinrich) — Hartmann von Aue. Der arme Heinrich. Hrsg. von Fr. Pfeiffer.— Leipzig, 1867—1869.

(Parzival) — Wolfram von Eschenbach. Parzival und Titurel. Bd. I—III. 2. Aufl.— Leipzig, 1875—1877.

(Nibelungen) — Die Nibelungen. Bearb. von P. Piper. Bd. I—II.— Deutsche Nationalliteratur, Bd. 6.

(LL) — Lehrhafte Literatur des 14. und 15. Jh-s. Hrsg. von Dr. E. Vetter. Bd. I—II.— Deutsche Nationalliteratur, Bd. 12.

(Minnesang) — Der Minnesang des 12. bis 14. Jh-s. Hrsg. von F. Pfaff. Bd. I.— Deutsche Nationalliteratur, Bd. 8.

Н. В. Горбель

(Петрозаводск)

ФУНКЦИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ И АРТИКЛЯ В СТРУКТУРЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ДИАХРОНИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ)

В последние годы в германистике наблюдается заметное повышение интереса к историческим исследованиям языка, выражением чего служит новая волна литературы по вопросам истории немецкого языка [1]. Этот интерес, сравнимый по широте только со временем младограмматиков, обусловлен необходимостью на современном уровне лингвистических знаний обращаться к истории языка в целом и языковых явлений в отдельности. Современный диахронический подход предполагает, по определению Х. Глинца, научное рассмотрение развития языка и в его системе и в отдельных чертах, целью которого является установление происшедших изменений и указание (возможных) причин изменения [2]. Дополнительной задачей может являться объяснение многих явлений современного языка тем, что прослеживается история их зарождения, становления и развития.

Одной из черт современного немецкого языка является невозможность одновременного появления притяжательного местоимения и артикля в группе существительного. Целью настоящей статьи является определение причины этой невозможности. Изучение субстантивной группы в древние периоды показывает изменения ее структуры и дает ключ к пониманию ее современного состояния. Вехами исследования выбраны древневерхненемецкий и средневерхненемецкий периоды, поскольку именно в это время происходило зарождение и развитие артикля в немецком языке.

Диахроническое исследование структуры группы существительного с артиклем и (или) притяжательным местоимением необходимо произвести в свете изменений функций артикля и сопоставления их с функциями притяжательного местоимения.

Функцией артикля в немецком языке считается выражение грамматических категорий существительного: морфологических категорий рода, числа и падежа и грамматической категории соотнесенности/несоотнесенности. Артикль и притяжательное местоимение демонстрируют полное совпадение и соответственно полную взаимозаменяемость в своих функциях выражения рода, числа и падежа существительного. Особенности же выражения ими категории соотнесенности/несоотнесенности нуждаются в дополнительном уточнении.

Назначение категории соотнесенности/несоотнесенности Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева видят в выражении того, «выступает ли имя существительное как обозначение понятия в самом общем смысле или оно служит для обозначения самого предмета или явления, представленного в соответствующем понятии. В первом случае мы имеем разряд несоотнесенности. Во втором случае мы имеем соотнесенность» [3], которая в свою очередь может быть определенной и неопределенной.

Притяжательные местоимения не могут заменять артикль при исполнении функций несоотнесенности и неопределенной соотнесенности в силу своих чисто местоименных свойств, а именно ситуативности, постоянной частной предметной отнесенности. Поэтому употребление притяжательного местоимения можно сопоставить только с употреблением определенного артикля для выражения определенной соотнесенности, когда существительное называет конкретный, известный

предмет. Причем конкретность его отличается от конкретности существительного с артиклем тем, что в семантике притяжательного местоимения всегда заключена сема «принадлежности» в широком смысле, то есть той или иной отнесенности объекта к посессору. Грамматическая функция артикля, состоящая в выражении категории соотносительности/несоотносительности существительного, связана с генерализующей/индивидуализирующей функцией артикля, но не совпадает с ней. И определенная и неопределенная соотносительность существительного с артиклем может способствовать генерализации, что можно проиллюстрировать примерами:

Die Katze ist ein Raubtier.
Eine Katze ist ein Raubtier. [4].

С притяжательным же местоимением дело обстоит иначе. Указанное выше своеобразие притяжательного местоимения при выражении определенной соотносительности ведет за собой следующее отличие его от артикля. В силу своей постоянной ситуативной отнесенности притяжательное местоимение имеет только индивидуализирующую функцию. Самой его сущностью для него исключена возможность выступать в генерализирующей функции, то есть способствовать обозначению чего-то абсолютного, обобщенного, не ситуативно обусловленного. Присутствие притяжательного местоимения в субстантивной группе соотносит словосочетание с конкретным субъектом, и поэтому существительное в словосочетании имеет конкретный, единичный, данный денотат. Для артикля же способность его любого вида выступать в современном немецком языке и в генерализирующей и в индивидуализирующей функциях подчеркивается многими грамматистами [5].

Обсуждаемые особенности артикля и притяжательного местоимения дают, на наш взгляд, основание предложить следующее объяснение их взаимоисключенности в субстантивной группе. Артикль может выступать в генерализирующей функции. У притяжательного местоимения такой возможности нет. Соответственно если артикль выполняет генерализирующую функцию, употребление притяжательного местоимения в данном случае невозможно. Если артикль выступает в индивидуализирующей функции, то притяжательное местоимение может выполнять эту же функцию. Со-

единение артикля и притяжательного местоимения оказалось бы избыточным средством. Поэтому если необходимо указать на посессивную связь предметной субстанции с каким-либо лицом, для сопровождения существительного выбирается притяжательное местоимение, а артикль становится излишним. Притяжательное местоимение само выполняет функции и выражения определенной соотносительности и указания на посессор. Попутно можно заметить, что сочетание двух местоимений, указательного и притяжательного (*dieser mein Freund*) воспринимается как вполне правильное, не вызывает отторжимости, хотя указательное местоимение является исторически исходной ступенью для формирования определенного артикля. Указательное местоимение, так же, как и притяжательное, не способно к генерализации, поэтому соединение этих двух местоимений не создает несовместимости.

Для подтверждения связи функции выражения соотносительности/несоотносительности и употребления артикля в соседстве с притяжательным местоимением обратимся к исследованию структур соответствующих словосочетаний в древние периоды.

Для древневерхненемецкого языка довольно типична структура словосочетания с соположенными притяжательным местоимением и той формой, которая изначально представляла собой указательное местоимение (*ther, thaz, thiū*). Определенный артикль в ту эпоху еще не сформировался в окончательном виде [6], возникновение артикля из указательного местоимения намечалось как тенденция. Между местоименной средой и артиклем существовала живая связь, затрудняющая четкое разграничение их. С одной стороны, названные формы могли восприниматься и как артикль и как указательное местоимение, примером чему может служить словосочетание в следующем контексте: (1) «*Wolt er sag mit willen thaz sin gibot irfullen*» (0, 11, 9, 42) — он тотчас хотел с охотой исполнить этот его завет. Если воспринимать форму «*thaz*» как указательное местоимение, то в таком случае соседство двух местоимений выражало ограничение ситуации притяжательности, конкретизацию ее. Если же рассматривать эту и подобные ей структуры как включающие определенный артикль, то форма «*thaz*» здесь выражает определенную соотносительность всего словосочетания «*sin gibot*». С другой стороны, уже явно намечается функционирование

указанных форм только как определенного артикля, поскольку они не конкретизируют объект. Единственность и неповторимость объекта вытекает из его собственной семантической характеристики, например: (2) «*Thar was krist guater joh selba ouh thiu sin muater*» (0, 11, 8, 7) — это был Христос добрый и его мать.

Словосочетания с одновременным употреблением притяжательного местоимения и указательного местоимения (артикля) могли иметь и другую структуру. Притяжательное местоимение и артикль образовывали своеобразную рамку, в которую заключено существительное, например: (3) «*Then lâzit der durst sîn*» (Kl, 90) — отпустила его жажда. Подчеркнем, что употребительность структур с таким порядком слов значительно уступает употребительности структур с препозицией притяжательного местоимения существительному. В текстах, составляющих в общей сложности 800 000 знаков, в структурах такого типа зафиксировано 106 употреблений притяжательного местоимения в препозиции и 29 — в постпозиции.

Основным для объяснения сочетания артикля и притяжательного местоимения мы считаем неокончательную сформированность артикля из местоименной ткани и соответственно несформированность функций артикля. Исследователями древних артиклей [7] выяснена неспособность артикля в древний период (в тех случаях, когда обсуждаемая форма принимается за артикль) выступать в генерализирующей функции. Обобщенное значение передавалось тогда формой нулевого артикля, ср. пример, приводимый И. Даль: (4) «*So muater dem kindline duat*» — так мать поступает с ребенком [8].

Таким образом, не было противоречия в функциях притяжательного и указательного местоимения, из которого возникал определенный артикль. Местоименная природа обеих форм создавала возможность их совмещения в одной структуре. Дополнительным фактором является то, что оба они не выступали никогда в генерализирующей функции, поэтому их сочетание не вызвало отторжения и несовместимости.

Материал к объяснению возможности соположения артикля и притяжательного местоимения дают также теории возникновения артикля. Традиционно принято считать, что артикль возникает в процессе перехода от синтетического к аналитическому строю языка [9]. Возникающий артикль берет на себя функции выражения морфологических кате-

горий существительного. К концу древневерхненемецкого периода относится возникновение категории соотносительности/несоотнесенности существительного и, соответственно, ее выразителя, которым становится развивающийся артикль [10]. Существует также теория, связывающая возникновение артикля с необходимостью эксплицитного выражения синтаксических связей в тексте [11]. В системе современного языка эти функции артикля развиты хорошо. В древневерхненемецком языке артикль, сам находившийся в стадии становления, не имел эти функции достаточно развитыми, поэтому для их выражения было возможно присутствие обоих средств: и развивающегося артикля и притяжательного местоимения. Каждый из этих компонентов выражает в той или иной степени указанные функции, и в итоге в словосочетании оказывались выраженными и морфологические категории существительного, и определенная соотносительность, и текстовая связь.

В средневерхненемецком языке в структурах, в которых соседствуют артикль и притяжательное местоимение, происходят изменения, противопоставляющие их соответствующим древневерхненемецким структурам. Мы опираемся на традиционное представление о том, что на средневерхненемецком этапе артикль уже в основном сформировался как часть речи, отделившись от указательного местоимения. Соответственно возникает вопрос о совместимости артикля и притяжательного местоимения в одном словосочетании. Специфика средневерхненемецкого периода состоит в том, что в нем отмечаются черты, оставшиеся от прошлого, и те изменения, которые впоследствии приведут к современному состоянию.

В количественном отношении интересующие нас структуры не претерпели заметных изменений. Исследованию подверглось то же количество текстов, что и в древневерхненемецкий период. Общее количество зафиксированных структур составило 153 единицы (в древневерхненемецких текстах — 135 единиц). Некоторое абсолютное увеличение связано с общим увеличением употребления притяжательных местоимений в средневерхненемецком языке. Процентные же данные от общего количества всех посессивных структур, зафиксированных в текстах, то есть удельный вес структуры с артиклем и притяжательным местоимением, говорят о сокращении употребления их с 6,5% до 5,4%.

Наиболее показательным представляется, однако, не отно-

сительное уменьшение количества данных структур, а изменение в соотношении структур с пре- и постпозицией притяжательного местоимения. Словосочетаний с препозицией притяжательного местоимения, таких, как: (5) «Die mine frœide hat ein wip gemacht» (W, 16, 3) — мою радость составила одна женщина, — зафиксировано в количестве 41 единицы. Постпозиция местоимения, как в примере: (6) «...und trowe ez wol mit êren vol bringen an daz ende mîn» (W, 16, 3) — и надеюсь это с честью пронести до конца моего, — зафиксировано в количестве 112 единиц.

Итак, в древневерхненемецком языке в структурах с одновременным употреблением притяжательного местоимения и артикля препозиция притяжательного местоимения существительному составляет 78,5% от общего числа данных структур, постпозиция — 21,5%. В средневерхненемецком языке соотношение меняется в обратную сторону: препозиция притяжательного местоимения — 26,8%, постпозиция — 73,2%. Этот факт тем более удивителен на фоне общего значительного сокращения постпозиции адъективных определений в средневерхненемецкий период.

На наш взгляд, увеличение постпозиции притяжательного местоимения в структуре с артиклем дает основание для следующего заключения. В утверждающем себя артикле развиваются новые функции, приближающие его к современному артиклю, то есть функция выражения определенной соотношенности и в ее рамках генерализирующая функция. Соответственно соседство притяжательного местоимения и артикля становится избыточным, как это было показано для современного языка. Вместе с тем употребление их в одном словосочетании остается возможным как продолжение древневерхненемецкого состояния, поскольку так было принято, процессы же изменения растягиваются порой на длительное время, а не происходят вдруг. Возникает противоречие между традицией употребления и артикля и притяжательного местоимения одновременно, с одной стороны, и избыточностью этого соседства, с другой стороны. Как решение этого противоречия и получает заметное развитие структура «артикль + существительное + притяжательное местоимение», создающая в речи дистанцию между конкурирующими конститuentами. Данную структуру можно рассматривать как своеобразный компромисс между инерцией местного употребления артикля и притяжательного местоиме-

ния и их начинающейся отторжимостью в связи с развитием функций артикля. Существование таких структур можно отнести к специфическим чертам средневерхненемецкого языка.

Итак, одна из основных черт группы существительного в современном немецком языке — несовместимость артикля и притяжательного местоимения — прослеживается в диахроническом исследовании в связи с развитием категории соотносительности/несоотносительности существительного и ее выражения артиклем. Несовпадение в возможностях выражения этой категории создает несовместимость артикля и притяжательного местоимения как частей речи, так как артикль может выражать все виды соотносительности, а притяжательное местоимение — только определенную соотносительность. В древневерхненемецком языке еще тесна связь зарождающегося артикля с указательным местоимением, чья способность к выражению ситуативно определенной вещи совпадает с такой же способностью притяжательного местоимения. Поэтому структуры, совмещающие эти две формы, развиты в древневерхненемецком языке. В средневерхненемецком же языке получают свое закрепление и развитие функции артикля, в том числе и выражение различных видов соотносительности существительного. Отсюда начинает углубляться различие притяжательного местоимения и сформировавшегося артикля. Воплощением их начинающейся отторжимости является структура, создающая их дистанцию.

Таким образом, обращение к истории развития субстантивной группы с притяжательным местоимением позволяет показать зависимость ее структуры от развития функций артикля.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка. — М., 1983. Moser — Wellman — Wolf. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. Althochdeutsch — Mittelhochdeutsch. — Heidelberg, 1981. Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch. — Berlin; New-York, 1985. Schildt J. Abriß der Geschichte der deutschen Sprache. — Berlin, 1984. Sonderegger St. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte: Diachronie des Sprachsystems. — Berlin; New-York, 1979. Wells C. J. German: a linguistic history to 1945. — Oxford, 1985. Zur Periodisierung der deutschen Sprachgeschichte/Hrsg. von J. Schildt. — Berlin, 1982.

2. Glinz H. Synchronie — Diachronie — Sprachgeschichte//Sprache —

Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie. Jahrbuch, 1986.— Düsseldorf, 1969.— S. 78.

3. Зиндер Л. П., Строева Т. В. Современный немецкий язык.— Л., 1957.— С. 79.

4. Vater H. Zur Tiefenstruktur deutscher Nominalphrasen//Beiträge zur Linguistik und Informationsverarbeitung. Heft 11.— München; Wien, 1967.— S. 62.

5. Dal I. Kurze deutsche Syntax.— Tübingen, 1952.— S. 95—96. Vater H. Das System der Artikelformen im gegenwärtigen Deutsch.— Tübingen, 1963.— S. 60. Москальская О. И. Грамматик der deutschen Gegenwartssprache.— М., 1975.— S. 185. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik.— Berlin, 1977.— S. 177. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.— Leipzig, 1980.— S. 254.

6. Brinkmann H. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit.— Jena, 1931.— S. 7. Näf A. Die Wortstellung in Notkers Consolatio.— Berlin; New-York, 1979.— S. 394. Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках. Автореф. докт. дис.— М., 1953.— С. 25. Жирмунский В. М. История немецкого языка.— М., 1965.— С. 242.

7. Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках. Автореф. докт. дис.— М., 1953.— С. 26. Никитин М. В. Категория артикля в английском языке.— Фрунзе, 1961.— С. 13.

8. Dal I. Kurze deutsche Syntax.— Tübingen, 1952.— S. 95.

9. Brinkmann H. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit.— Jena, 1931.— S. 7. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik.— Berlin, 1977.— S. 182.

10. Зиндер Л. П., Строева Т. В. Историческая морфология немецкого языка.— Л., 1968.— С. 52—58.

11. Moser — Wellmann — Wolf. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1, Althochdeutsch — Mittelhochdeutsch.— Heidelberg, 1981.— S. 91.

Источники и принятые сокращения

Kl — Kleinere Gedichte mit biblischen Strofen//Altdeutsche Texte/Hrsg. von H. Mettke.— Leipzig, 1970.— S. 89—96.

N — Das Nibelungenlied./Hrsg. von F. Zarnke.— Leipzig, 1871.

O — Otfrids Evangelienduch/Hrsg. von O. Erdmann.— Halle a. S., 1882.

W — Walther von der Vogelweide. Frau Welt, ich hab von dir getrunken.— Berlin, 1980.

А. Л. Резников

(Петрозаводск)

О ЗНАЧЕНИИ ЗАЛОГОВОЙ ОППОЗИЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На первый взгляд может показаться, что вопрос, сформулированный в заглавии, не заслуживает специального внимания, — ведь он неоднократно разбирался в статьях

и исследованиях, посвященных залогам различных языков. Такое впечатление обманчиво. Не случайно до сих пор нет единого мнения в отношении смысловой нагрузки залога. При этом даже такие общие определения, как выражение центробежности/центростремительности действия и активности/инактивности подлежащего [1, 9; 2, 613] не могут охватить все случаи, которые представляет в распоряжение исследователя языковой материал.

В этом плане очень показательна, хотя и не безупречна, критика такого определения семантики страдательного залога, содержащаяся в статье Е. А. Белоусовой [3]. Приведя пример «классического», казалось бы, пассива — «Ключ потерян Иваном» — она отмечает: «В приведенном примере... оба участника ситуации — и ключ, и Иван — инактивны, т. е. ключ потерян именно в силу того, что Иван не проявил активности: не предусмотрел и не ликвидировал причины, которая могла привести и привела к таким последствиям, а само действие не может быть истолковано как направленная на ключ деятельность Ивана» [3, 36]. Соглашаясь с автором по существу вопроса, хотелось бы прояснить два момента в этой критике.

Действительно, в данном случае нельзя говорить о направленности действия на подлежащее, но возникает вопрос: о какой направленности идет речь? Если о реальной, внеязыковой ситуации — то данный автор, безусловно, прав. Если мы говорим о языковых значениях и анализируем языковую, т. е. имеющуюся в языковой интерпретации данной реальной ситуации, направленность — то высказанное утверждение будет неверным. Как представляется, при анализе языковых — и в особенности грамматических — значений необходимо последовательно различать две вещи: реальную ситуацию и ее языковую интерпретацию. Малейшее их неразграничение ведет к потере исследователем своего объекта изучения, что и произошло в данном случае: в реальной ситуации говорить о какой-либо направленности действия со стороны Ивана на ключ, действительно, не представляется возможным. Но в том-то и дело, что это еще не означает, что это же справедливо и для языкового описания указанной ситуации. Как мы попытаемся показать, языковая направленность действия, выраженного страдательной залоговой формой глагола, на грамматический субъект в этом и подобных ему случаях имеется.

Та же неточность, на наш взгляд, содержится и в критике активности/инактивности подлежащего. Мы согласны с Е. А. Белоусовой в том, что данный критерий не может служить определением значения активного/пассивного залога, но причина этого видится в другом: то, что ключ и Иван инактивны, что ключ потерян именно в силу того, что Иван не проявил активности и т. д. — это все верно, но опять-таки, верно по отношению к экстралингвистической ситуации, описываемой данным предложением. Это и является, на наш взгляд, причиной, по которой активность-инактивность подлежащего не может быть определением содержания залоговой оппозиции.

Для решения вопроса о смысловой нагрузке залоговой оппозиции рассмотрим более подробно имеющиеся в лингвистической литературе попытки определения категории залога по интенции.

Так, О. А. Смирницкая пишет: «Пассивная форма во всем... тождественна по значению соответствующей форме активного залога, отличаясь от последней только противоположной направленностью процесса» [4, 75]. Несколько с другой расстановкой акцентов, но по существу о том же говорят Л. Л. Буланин и Ю. П. Князев: «В содержательном плане залог означает способность/неспособность глагольных форм выражать направленность действия на предмет, названный в подлежащем» [5, 99; см. также 6, 3].

И. Б. Долинина выделяет пропозитивные и пресуппозиционные значения глагола: «Пропозитивное значение задается семантической структурой ситуации, которую данный глагол описывает, т. е. лексикографическим толкованием, и характеризуется, во-первых, набором партиципантов, во-вторых, их иерархической, «весовой» упорядоченностью... Под пресуппозиционным значением при описании деривативных (в частности залоговых) отношений мы понимаем любое изменение интенции, связанное с изменением оценки «веса» партиципанта относительно глагольного признака предиката или других партиципантов, что на синтаксическом уровне достигается путем нарушения изоморфных отношений между «всами» элементов семантической и синтаксической структур предложения» [7, 115]. Таким образом, различные залоговые формы имеют одинаковое пропозитивное, но разное пресуппозиционное значение, а следовательно, и разное суммарное значение.

Аналогичным образом к проблеме определения залога подходят З. Складанюк [8, 7] и Л. М. Медведева [9, 4] и ряд других авторов. Данная точка зрения является достаточно распространенной и по существу восходит к трактовке оппозиции действительный/страдательный залог М. М. Гухман: действительный залог — центробежность процесса, страдательный залог — центростремительность процесса [1, 9].

Вместе с тем имеются, с различной долей категоричности, и высказывания прямо противоположного характера. Так, Д. А. Штелинг отмечает, что «случаи употребления форм страдательного залога, в которых предмет, обозначенный подлежащим, не может быть интерпретирован как объект, на который направлено действие..., в современном английском языке довольно многочисленны» [10, 9]. По мнению С. А. Шубик, «...никакого изменения направленности процесса при переходе от активной формы глагола к пассивной (и наоборот) не происходит: процесс всегда направлен от агенса к пациенсу» [11, 46].

Не согласен с определением залога по интенции и В. Я. Плоткин: «Если в общелингвистическом плане категория залога несомненно связана с направленностью действия на тот или иной актанта, то для английского языка далеко не всегда ясно, на что именно направлено действие, обозначенное пассивом. Для актива характерна направленность действия на правосторонние актанта, для пассива — на левосторонний актанта. Но два факта мешают считать такую направленность инвариантной: во-первых, возможно отсутствие левостороннего актанта в окружении пассива..., во-вторых, возможно сохранение направленности действия на правосторонний актанта... Как видим, при определении содержания положительного дистриктора пассива возникают серьезные трудности» [12, 101]. Несущественной для содержания действительного и страдательного залога считает направленность процесса и И. С. Докторович [13, 3].

Как видно, прослеживаются два подхода к трактовке направленности глагольного действия: одни понимают под этим направленность, получающую выражение при помощи определенного соотношения между семантическими и синтаксическими актантами, т. е. другими словами, понимают под этим грамматическую направленность как одно из существующих в любом тексте языковых значений, другие — внеязыковую, реальную, буквальную, можно сказать, направ-

ленность действия на какой-либо предмет в реальной ситуации. На наш взгляд, направленность действия во втором понимании не может иметь никакого отношения к идентификации залогов, уже хотя бы потому, что является одной из характеристик реальной ситуации, а не ее языкового отражения.

В настоящей работе направленность действия в ее грамматическом толковании будет считаться единственно возможным критерием определения значения залоговой оппозиции. При этом направленность действия на носителя глагольного признака является инвариантным грамматическим значением пассива, направленность действия от носителя глагольного признака — инвариантным грамматическим значением актива. Это значение залогов не зависит ни от семантики конкретных глаголов, выступающих в форме того или иного залога (и также, возможно, обозначающих определенную, в том числе и противоречащую семантике конструкции интенцию), ни от наличия правых или левых актантов в поверхностной структуре предложения. Кроме того, направленность действия наиболее ярко выражена в конструкции пассива, как маркированного члена залоговой оппозиции в английском языке, в то время как значение актива может сводиться только к указанию на отсутствие направленности действия на подлежащее.

Отказ от изложенного определения смысловой нагрузки залоговой оппозиции означал бы, что категория залога в английском языке не основана на каком-либо смысловом различии между ее членами и в силу этого является своего рода роскошью, излишеством, без которого язык мог бы обойтись. В частности, по понятным причинам, такая трактовка характерна для работ, выполненных в рамках трансформационного и деривационного синтаксиса. Однако трактовка пассивной конструкции как факультативного варианта активной формы, как некоей вторичной формы выражения «одного и того же смысла», представляется глубоко ошибочной: язык, будучи в первую очередь функциональной системой, само появление которой было вызвано потребностью в средстве общения, не имеет в своем составе функционально не значимых, пустых, факультативных элементов.

Другое дело, что язык, будучи «практическим, действительным сознанием», в то же время не является, как известно, зеркальным, точным отражением ни окружающего мира,

ни человеческого мышления. Кроме того, сам по себе язык как вторичная материальная система не представляет собой жесткого, строго пропорционального образования, подобно искусственным материальным системам.

Применительно к нашему материалу эти общие положения, а также принятое понимание интенции реализуются следующим образом.

Залоговые формы глагола используются для описания двух видов из возможных соотношений между лицом (предметом) и действием, связанным с ним, в различных ситуациях реального мира: действие совершается самим лицом (предметом), т. е. направлено от него, и действие совершается не самим лицом (предметом), т. е. направлено на него.

Каждая из этих реальных ситуаций может быть описана языком двояко: язык может сохранить реальное внеязыковое соотношение между лицом (предметом) и действием, и он может его не сохранить. Кроме того, из потенциального набора языковых форм, имеющих в языковой парадигме для описания каждой реальной ситуации, существует предпочтительная, распространенная, стандартная форма. В нашем случае такой стандартной формой, служащей для передачи действия, направленного от лица (предмета), является активный залог; соответственно для передачи действия, направленного на лицо (предмет) — пассивный залог. Однако необходимо подчеркнуть еще раз, это вовсе не означает, что эти формы имеют монополию на передачу (описание) данных участков реального мира. Проиллюстрируем это положение простым примером.

Допустим, имеются две реальные ситуации, в каждой из которых участвуют по одному лицу и по одному действию. В первой совершается действие «бить», при этом оно направлено на участника данной ситуации; во второй совершается действие «иметь талант к чему-либо», при этом оно направлено от участника данной ситуации.

Схематично эти две экстралингвистические ситуации можно представить следующим образом:

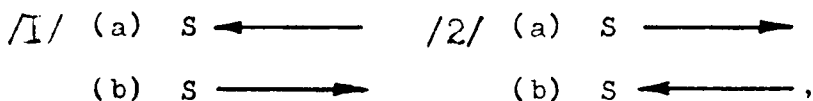
где Л (лицо) — участник ситуации, а стрелкой обозначено направление действия.

Пройдя через призму языка, т. е. будучи описаны с его помощью (в принципе мы могли описать их иным путем), эти две ситуации могут получить следующие языковые выражения:

1/(a) He was beaten.	2/(a) He has a turn for	
(b) He received a beating.	(b) He is turned for	poetry.
		poetry.

Схематично это можно изобразить так:

где S — носитель глагольного признака (подлежащее), а стрелкой обозначена грамматическая направленность действия, передаваемая залоговой формой глагола-сказуемого.

Как видим, язык «не обязан» сохранять реальную направленность процесса. Значит ли это, что в языковой интерпретации (повторим, что возможны и другие, в число которых входят, например, и приведенные схемы) — мы получаем искаженную картину? Отнюдь нет. Просто язык (или точнее, говорящий на языке) волен выбирать из арсенала языковых средств те, которые в данной ситуации (языковой и внеязыковой) ему представляются наиболее адекватными. Так, если в случае 1a направленность процесса на подлежащее выражена с помощью конструкции страдательного залога, то во втором случае (2б) ту же функцию выполняет уже лексическое значение глагола. Образно говоря, в данном случае грамматический ярус языка как бы передоверяет свою законную функцию лексическому ярусу. Перед нами один из тех случаев, которые О. Есперсен называл «понятийным пассивом» [14, 188].

С другой стороны, в языковой интерпретации второй реальной ситуации также возможны два пути: в случае 2a глагольная форма передает реальную направленность действия, в случае 2б — языковая (грамматическая направленность) противоположна реальной. Иначе говоря, язык представляет

Так же, как и в первом случае, стрелка общего языкового значения направлена в ту же сторону, что и грамматического значения актива, при этом истинное направление действия маркировано в семантике глагола.

Соответственно, ситуация (2) представляет собой следующую картину:

2а	Реальный мир	Л	→
	Языковое значение	S	→

	Грамматическое значение	S	→
	Лексическое значение	S	→
2б	Реальный мир	Л	→
	Языковое значение	S	←

	Грамматическое значение	S	←
	Лексическое значение	S	→

Отсюда следует ряд принципиально важных выводов:

1. Инвариантным грамматическим значением залоговых конструкций в английском языке является только определенная направленность действия: для актива — направленность от носителя глагольного признака, для пассива — направленность на носителя глагольного признака.

2. Вместе с тем, такая четкая дистрибуция этих двух

взаимно дополняющих значений между двумя членами залоговой парадигмы вовсе не означает, что они, в соответствии со своими значениями, используются только для описания направленных от лица (актив) и на лицо (пассив) в реальной действительности действий; ибо это же значение может передаваться в языковой интерпретации ситуации не только грамматическим значением глагольной конструкции, но также и лексическим значением глагола. Безусловно, в адекватном восприятии языкового представления некоторой ситуации играют роль и другие факторы — узкий и широкий контекст, тезаурус читающего и др.; это является одним из проявлений того, что А. В. Бондарко называет принципом избирательности в языке: не все логически возможные значения выражаются грамматическими категориями, — язык выбирает что-то для грамматики, что-то для лексики, что-то для контекста.

3. Общее значение предлагаемой языком интерпретации реальной ситуации складывается из двух компонентов: грамматического значения конструкции и лексического значения глагола. Наиболее простой для восприятия случай представляется тогда, когда все стрелки направлены в одну сторону: в таком случае между ними не возникает конфликт, и суммарный смысл, полностью соответствующий здесь внеязыковому, определяется просто. В нашем случае это случай 2а.

Не представляет особой трудности и случай, представленный в 1а: здесь три стрелки направлены в одну сторону, и только одна — лексического значения глагола — в противоположную им. По самому статусу лексического значения это не может затруднить правильное восприятие читателем данного языкового описания.

Далее, по степени возрастания трудности для декодирования, находится случай 1б: в силу того, что общее языковое значение совпадает со значением грамматическим, направление описывающих их стрелок не совпадает с направленностью действия в реальном мире, которая выражается с помощью лексического значения глагола, что и дает возможность читающему получить правильное представление об описываемой ситуации.

Наконец, наиболее сложным нам представляется случай 2б, хотя внешне здесь ситуация полностью аналогична ситуации 1б: здесь также реальная направленность действия

указывается только в лексическом значении глагола. Однако этому в данном случае противостоит грамматическое значение пассива, а не актива, как в случае 1б. Учитывая, что грамматическое значение пассива как маркированного члена залоговой оппозиции выражено наиболее ярко (грамматическое значение актива зачастую сводится лишь к неупоминанию на направленность действия на подлежащее), можно сказать, что в данном случае адекватное восприятие представляет собой наибольшую трудность и становится возможным во многом благодаря контексту, как узкому — наличие дополнения роетгу, так и широкому (в тексте речь идет о тех способностях, которые проявил юноша).

4. Следовательно, общее языковое значение всегда совпадает с грамматическим значением залоговой глагольной конструкции и далеко не всегда совпадает с реальной направленностью действия (примеры 1б и 2б).

Представляется, что изложенная трактовка категории залога позволяет избежать противоречия, неизбежно возникающего каждый раз, когда делаются попытки определить инвариантное значение залога, исходя из употребления различных залоговых форм: реальные случаи употребления актива и пассива оказываются всегда шире, чем им предписывается любым, самым общим определением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков.— М.: Наука, 1964. — 294 с.

2. Русская грамматика. Том I.— М.: Наука; 1982. — 783 с.

3. Белоусова Е. А. К проблеме залога в современном русском языке//Структурная и прикладная лингвистика.— Вып. 2.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 33—47.

4. Смирницкая О. А. Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках//Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков.— М.: Наука, 1972.— С. 70—90.

5. Буланин Л. Л., Князев Ю. П. Нейтрализация и привативность морфологических оппозиций//Вестник ЛГУ, сер. истор., яз., литер., 1977. — № 2. — С. 95—102.

6. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке.— Л.: ЛГУ, 1986. — 88 с.

7. Долинникова И. Б. Категориальное значение залогово исходных форм английского глагола//Семантические аспекты слова и предложения.

(Проблемы деривации).— Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1980.— С. 114—122.

8. Складанюк Э. Г. Пассивные конструкции и их функционирование в стилях английской газетной, научной и разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1980.— 23 с.

9. Медведева Л. М. Залоговые противопоставления английских агентивных существительных//Содержательные аспекты языковых единиц.— Киев: Вища школа, 1982.— С. 39—46.

10. Штелинг Д. А. Парадигматика и синтагматика категории залога.— (на материале английского языка)//Иностр. яз. в школе.— 1976.— № 4.— С. 8—18.

11. Шубик С. А. Категория залога в немецком языке//Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках.— Л.: Наука, 1979.— С. 45—46.

12. Плоткин В. Я. Грамматические системы в английском языке.— Кишинев: Штиинца, 1975.— 127 с.

13. Докторевич И. С. Грамматическое содержание структуры VE+ED в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Одесса, 1977.— 26 с.

14. Есперсен О. Философия грамматики.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.— 404 с.

В. П. Сырхватава

(Петрозаводск)

ТИПЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ У ЧОСЕРА

Настоящая статья представляет собой попытку микросистемного диахронического анализа функционирования родительного падежа в рамках одного произведения одного автора. Выбор пал на «Кентерберийские рассказы» Чосера по следующим причинам. Во-первых, при характеристике того или иного языкового явления исследователи в поисках примеров из среднеанглийского периода развития неизменно обращаются к «Кентерберийским рассказам». Взятые, однако, изолированно, вне широкого контекста, эти примеры могут иногда дать весьма приблизительную картину. Поэтому мы и берем на себя задачу с помощью сплошной текстовой выборки описать наиболее полно одно грамматическое явление, а именно состояние родительного падежа существительных так, как оно представлено в одном произведении Чосера. Во-вторых, общеизвестно, что «Кентерберийские рассказы» представляют собой ряд историй, в которых сами

рассказчики используют прямую речь персонажей — участников описываемых ими событий. М. Шлаух отмечает, что Чосер отразил настоящую живую речь своего времени, не ограничившись неким усредненным формальным уровнем передачи речи своих персонажей [1]. М. Шлаух подчеркивает также, что Чосер, в зависимости от образования, социального положения персонажей, наконец, от их настроения, варьирует их речь. Эти вариации касаются выбора слов, синтаксических конструкций и определенных морфологических черт [2]. В самом деле, текст «Кентерберийских рассказов» представляет собой образец разговорной речи среднеанглийского периода и поэтому представляет особый интерес для исследователя.

В результате анализа всего текста «Кентерберийских рассказов» путем его сплошной выборки было найдено 287 субстантивных словосочетаний модели — с зависимым существительным в форме родительного падежа [3]. Все существительные, употребляемые в «Кентерберийских рассказах» в форме родительного падежа, могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Тематически неограниченные существительные. Среди них можно выделить подгруппу одушевленных существительных (*in the popes ordinance* «по указу папы»; *Chauntecleres drede* «страх Шантеклера») и подгруппу неодушевленных существительных *beddes syde* «край постели», *loves peyne* «муки любви»).

2. Существительные, относящиеся к сфере религии. Это, в основном, слова *God* «бог», *Crist* «Христос», *devel* «дьявол», *engel* «ангел», *church* «церковь» и немногие другие. Примеры их употребления в словосочетаниях: *devels knyfe* «дьявольский нож», *Cristes bones* «мощи Христовы», *Goddess love* «любовь бога».

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

1. Тематически неограниченные существительные.

А. Подгруппа одушевленных существительных. В нее входят существительные, обозначающие живые существа. В тексте «Кентерберийских рассказов» встретились лишь единичные существительные в родительном падеже, обозначающие птиц, рыб, зверей: *fishes mawe* «утроба рыбы» *beres skin* «медвежья шкура», *pigges heed* «свиная голова», *a bridde's clawes* «птичьи когти» и т. п. Подавляющее же большинство существительных этой подгруппы составляют имена собст-

венные и нарицательные, обозначающие людей. Частотность словосочетаний с одушевленными существительными в форме родительного падежа высока — 40% от общего числа существительных в родительном падеже, найденных в тексте «Кентерберийских рассказов». Словосочетания этого типа можно обнаружить как в речи рассказчика, так и в речи персонажей. По своему употреблению они нейтральны и не имеют разговорной или эмоциональной окраски. Примеры: *The senatoures wyf his aunte was* «Женою сенатора была его тетка», *Cusfances sone went in his comraigne* «Сын Констанции пошел вместе с ним».

Существительные этой подгруппы могут допускать вариативность в выражении атрибутивных отношений между компонентами субстантивного словосочетания. У Чосера одушевленные существительные встречаются как в беспредложных конструкциях с зависимым существительным в форме родительного падежа, так и в конструкциях с предлогом of [4]. Анализ текста двух рассказов (*A Knight's Tale* «Рассказ рыцаря» и *A Man of Lawes Tale* «Рассказ судейского чиновника») показал числовое преимущество словосочетаний с существительным в родительном падеже, правда, не очень значительное (18 примеров конструкции с предлогом of и 26 примеров беспредложной конструкции). Но при этом нельзя не обратить внимания на некоторые факты.

Так, Чосер предпочитает употребление с предлогом of существительных, называющих имена мифологических и библейских персонажей. Примеры: *the folye of king Solomop* «безрассудство царя Соломона», *the deeth of Ector, Achilles, of Pompei* «смерть Гектора, Ахилла, Помпея...». Это правило соблюдается большей частью, хотя и не всегда. Кроме того, Чосер, говоря о раненых или погибших героях, предпочитает употребление существительных в сочетаниях с предлогом of: *The sepulture of good Arcite may best u-taked be* «погребение доблестного Арсита должно быть произведено наилучшим образом». Подобные примеры встречаются неоднократно.

Интересно отметить, что существительное *peple* «народ» встречается только в составе предложного сочетания: *The vouce of peple touchede the hevene* «глас народа достиг небес». Слово *requeste* «просьба» встречается только в сочетании с предлогом of: *requeste of Custance* «просьбе Констанции». При любом другом определяемом собственное имя

Custance употребляется только в родительном падеже: Custances sone «сын Констанции», and by Custances mediacioun «при посредничестве Констанции».

Другие одушевленные существительные типа *neighebores* «сосед», *emperoure* «император», *king* «король», *mooder* «мать», обозначающие непосредственных участников событий, регулярно употребляются в форме родительного падежа. Примеры — самые многочисленные и разнообразные: *The emperoures doghter* «дочь императора», *The senatoures wyf* «жена сенатора», *unter mannes governance* «в подчинении у мужа», *Hermengyldes chambre* «покои Герменгильды» и др.

Изложенные выше числовые и лексико-семантические данные могут служить аргументом в пользу того, чтобы считать форму родительного падежа одушевленных существительных основным, ведущим способом выражения атрибутивных отношений в субстантивных словосочетаниях типа $N_g + N$. Следовательно, в эпоху Чосера словосочетание с зависимым существительным лица в форме родительного падежа — это базисный [5], нейтральный тип, в то время как словосочетания с предлогом *of*, употребляющиеся в этой же модели с существительным лица, — его стилистический вариант.

Б. Подгруппа неодушевленных существительных.

В нее входят существительные, обозначающие временные и пространственные понятия. Подобно одушевленному существительному, эта подгруппа также не ограничена тематически, но это не значит, что она представляет собой открытый список. В словосочетаниях этой подгруппы наблюдаются ограничения в употреблении, причем эти ограничения касаются не только определяющего слова (то есть существительного в форме родительного падежа — атрибута), но и определяемого — стержневого компонента словосочетаний. Причину такой лексической ограниченности можно усмотреть в том, что словосочетания, в которых встречаются неодушевленные существительные, представляют собой устойчивые речевые единицы, а именно речевые клише [6]. Об этом свидетельствует неоднократное их воспроизведение в речи рассказчиков. Так, например, сочетание *beddes syde* «у постели» встречается три раза и имеет варианты: *beddes heede* «изголовье постели», *beddes feete* «в ногах у лежащего в постели». Сочетания *someres day* «летний»

день» и *shames deeth* «позорная смерть» также встречаются в тексте несколько раз. Эти речевые клише используются рассказчиками как при описании событий, так и при передаче ими речи персонажей. Примеры речевых клише в тексте: *His felawe that lay by his beddes syde* «Его друг, который лег у его постели», *Bright was the sonne as in that someres day* «Ярким было солнце, как в тот летний день». Весьма часто в качестве стержневого компонента словосочетания выступает слово *ende* «конец, край»: *at the monthes ende* «в конце месяца», *at the brondes ende* «на острие меча», *from every shires ende* «из конца каждого графства», *unto my lyfes ende* «до конца моей жизни», *at the yeres ende* «в конце года» и др.

Анализ этих и им подобных сочетаний, взятых вне контекста, мог бы привести к выводу о том, что в эпоху Чосера возможно было свободное употребление неодушевленных существительных в родительном падеже (коль скоро они встречаются). Не количественный, а лексико-семантический анализ показывает, что это не совсем так. Все рассматриваемые в этой подгруппе словосочетания используются в тексте как готовые речевые формулы, неоднократно воспроизводимые рассказчиками. Возможно, с точки зрения рассказчика (и Чосер, надо думать, это прекрасно осознавал) подобные фразы-штампы составляли неотъемлемый атрибут повествования. Следовательно, как и в любых речевых штампах, устойчивость этих словосочетаний обусловлена узуально-стилистическими факторами [7]. Число их в тексте — 10% от общего числа сочетаний с существительным в родительном падеже.

2. Слова религиозной сферы употребления.

Частотность слов этой группы высока — 49% от общего количества существительных, употребляемых в родительном падеже. При этом употребление слов *devele*, *engele* и *church* единично, основной же удельный вес приходится на слова *God* и *Crist*. В составе субстантивных словосочетаний эти два слова определяют как конкретные, так и абстрактные существительные: *Goddes love* «любовь господя», *Goddes mercy* «милость господня», *Cristes bones* «мощи Христовы». Самыми частотными оказались устойчивые сочетания *for Goddes sake* «ради бога» и *for Cristes sake* «ради Христа». Анализ макротекстов, в которых употреблены эти сочетания, позволяет обнаружить интересные данные. Оказывается, что

тексты, в которых столь широко употребляются слова *God* и *Crist* в форме родительного падежа, — преимущественно светского, а не религиозного содержания. Во всех случаях в сочетаниях такого рода стержневое слово теряет свое значение, что делает их взаимозаменяемыми в определенных ситуациях. Значительная часть таких словосочетаний употребляется с предлогами *by* или *for*, причем выбор предлога не отражается на смысле фразы. Так фразы типа *for Cristes sake*, *for Goddes sake*, *for Goddes love*, *for Cristes love*, *for Cristes mercy*, встречающиеся в тексте, могут заменять друг друга, не приводя к изменению общего смысла (смысла макротекста). Примеры: *Noy spede you hastily for Cristes sake* «А сейчас поторопись, ради Христа». Или: *Our horse is lorn. Alayn, for Goddes bones step on thy feet* «Лошадь наша пала. Молю тебя, ступай пешком».

Все эти факты свидетельствуют о том, что уже в эпоху Чосера в словосочетаниях, имеющих в своем составе слова *God* и *Crist*, первоначальные предметно-логические связи между обоими компонентами утратились, а сами словосочетания превратились в междоментные фразеологические единицы (МФЕ), являющиеся обобщенными выразителями эмоций и волеизъявления [8]. Следует отметить, что у Чосера МФЕ такого типа употребляются в речи непосредственных участников событий или в речи рассказчика, показывающего свое отношение к событиям, которые он описывает.

Междоментные фразеологические единицы, о которых идет речь, могут иметь в своем составе дополнительные компоненты, например, прилагательные, которые лишь усиливают степень эмоциональности высказывания, не сообщая при этом новой информации: *Forget nat this, for Goddes owene love* «Не забывай об этом, ради любви к всевышнему».

МФЕ, встречающиеся в тексте «Кентерберийских рассказов», как правило, содержат следующие эмоции: призыв, увещание, просьба, клятвы или заклинания (это показывают примеры, приведенные выше). При этом конкретные существительные типа *armes* «руки», *bones* «кости, мощи» и т. п., обозначающие атрибуты божества в религиозных текстах, здесь утрачивают свое значение и могут быть взаимозаменяемы. Точно так же и по этой же причине в рамках рассматриваемых МФЕ взаимозаменяемыми могут быть и абстрактные существительные типа *love* «любовь», *dignitee* «величие», *reune* «муки», *passioun* «страсти». Все эти меж-

дометные фразеологические единицы эмоционально окрашены, так как выражают определенные чувства участников событий и самого рассказчика, причем эти события, как правило, очень драматичны. Часто Чосер использует при этом восклицательный знак или междометия, иногда то и другое вместе. Примеры: *Ey, Goddes mercy* «О, милость божья». Или: *Allas, guod John, aleyn, for Cristes peyne, Lay down thy swerd and I wil min alswa* «Увы, промолвил Джон, увы, ради Христа, положи свой меч и я положу свой».

О том, что эти словосочетания — принадлежность разговорного языка и один из общеупотребительных способов выражения эмоций, свидетельствует их употребление в ситуациях, далеких от почтительного отношения к божественным атрибутам: *Thou, John, thou swynes heed, awak for Cristes saule, and heer a noble game*. «Ты, Джон, свинячья башка, вставай, ради Христа и выслушай благородную шутку».

В тексте «Кентерберийских рассказов» есть также группа словосочетаний, представляющих собой фразы, которые относятся непосредственно к религии и обозначают единые понятия: *Cristes gospel* «евангелие», *Goddes hous* «богачельня», *Cristes blessed body* «хлеб», *Cristes sonde* «то, что послано свыше» и т. п. Это также устойчивые сочетания, но они отличаются от рассмотренных выше тем, что употребляются, как правило, в повествовательном тексте и не имеют эмоциональной пометы.

Итак, можно сделать вывод, что ко времени, когда Чосер писал свои «Кентерберийские рассказы», основные границы употребления существительных в родительном падеже уже определились в языке [9]. В период Чосера в родительном падеже (т. е. с флексией) свободно употребляются только существительные лица. Использование формы общего падежа одушевленных существительных с предлогом *of* имеет, во-первых, лексические ограничения, во-вторых, связано, как мы видели, со стилистическими особенностями текста. На фоне этих ограничений только существительные лица, употребляющиеся в старом родительном падеже, встречаются в нейтральном тексте. Случаи чисто лексического ограничения можно рассматривать как традиционные для повествования, тем более что они встречаются регулярно.

В подгруппе неодушевленных существительных, употребляемых в форме родительного падежа, также отсутствует

свободная сочетаемость. Существительные, не обозначающие временных и пространственных понятий, ограничены списком, часто повторяются в составе устойчивых сочетаний, и их употребление также регулируется жанрово-стилистическими факторами.

Словосочетания, в состав которых входят слова из религиозной семантической сферы, обладают наибольшей воспроизводимостью и традиционностью и уже в период Чосера представляют собой эмоциональные междометные ФЕ, так что их употребление в форме родительного падежа определяется единственно жанрово-стилистическими факторами. Все эти выводы говорят о том, что родительный падеж в английском языке периода Чосера, равно как и вся система склонения существительного, уже подверглись кардинальным изменениям и в корне отличаются от того состояния, которое они имели в древнеанглийском [10]. Употребление родительного падежа во время, когда писал Чосер, максимально приближено по всем своим характеристикам к тому, как он употребляется в современном английском языке. Разумеется, окончательные выводы по функционированию родительного падежа в среднеанглийский период могут быть сделаны лишь по изучении всего творчества Чосера, а также других памятников этого периода, принадлежащих разным жанрам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Schlauch M. The English Language in Modern Times. Warszawa, Oxford University Press.—London, 1964, p, 36.

2. Schlauch M., op. cit., p. 37,

3. Для анализа текста «Кентерберийских рассказов» использовалось издание: The Works of Geoffrey Chaucer. McMillan & Co., London, 1910.

4. См.: Сорокина Т. С. К истории развития синонимичных атрибутивных сочетаний в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.—М., 1972.—С. 20. Т. С. Сорокина считает эти конструкции синонимичными. Мы воздерживаемся от такого определения по соображениям, предлагаемым ниже.

5. Понятие «базисной формы», используемое при жанрово-стилистическом подходе к изучению морфологии древних текстов, равно как и сам подход, заимствованы нами у Г. Ф. Благовой. См.: Благова Г. Ф. Лингвистическое изучение средневековых тюркских текстов//Вопросы языкознания, — 1979, — № 6. — С. 99. У И. П. Ивановой «базисная форма» означает общий падеж в английском языке. См.: Буракова В. В., Иванова И. П., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка.—М., 1981.—С. 27—28.

6. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М., 1972. — С. 510.

7. Там же.

8. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. — М., 1972. — С. 230 и далее.

9. К такому же выводу пришла в свое время С. П. Балашова. См.: Балашова С. П. Развитие значений родительного падежа в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1952. — С. 13.

10. Сорокина Т. С. К истории развития синонимичных атрибутивных сочетаний в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1972, — С. 16, 19.

Н. В. М я к и

(Петрозаводск)

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ТЕКСТЕ

В данной работе под функцией понимается цель (назначение, предназначение) употребления того или иного средства или комбинации средств. Функция может отражать внеязыковую действительность, но может обслуживать и внутриязыковые процессы порождения речи. Под значением понимается внутреннее, системно-значимое свойство формы, относящееся к содержательной стороне языка. Значение всегда отражает явления реальной внеязыковой действительности. Понятия значения и функции могут пересекаться, но не совпадают. Частичное перекрещение этих понятий происходит в тех случаях, когда констатируется, что функция той или иной формы состоит в выражении определенно-языкового значения. Различают семантические функции, которые совпадают со значением, и структурные (формальные) функции [1]. Глагольные временные формы могут включать и семантические и формальные функции. При этом общая сфера употребления временной формы определяется той функцией, которая имеет наибольшую область использования. Вторичные по происхождению формальные функции могут играть решающую роль в распространении сферы действия данной формы и увеличении ее веса в грамматической системе данного языка [3]. Во временной системе французского глагола формальная функция обусловила

распространение формы имперфекта, сначала в старофранцузском, а затем и в среднефранцузском языке.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы определить грамматическое значение и функции таких прошедших времен, как перфект, имперфект и сложный перфект в старофранцузском тексте. Грамматический статус этих форм является спорным в старофранцузском языке, так как для этого периода характерно так называемое «недифференцированное» употребление глагольных времен. Историки французского языка по-разному решали эту проблему, но однозначного решения она не получила.

Возможным решением данного вопроса мы считаем рассмотрение функционирования этих временных форм в зависимости от жанра произведения и семантики глагола.

В донациональный период, когда еще не сформировалась письменная традиция, литературный язык существовал в своих жанровых проявлениях. Благодаря жанру появляется литературный текст и сам язык литературы в отличие от бытового языка [2]. При этом различные жанры имеют различные нормы употребления лексики, синтаксических конструкций, морфологических средств.

Функционирование прошедших времен также проявляется по-разному в зависимости от жанровой принадлежности текста. Это наглядно показывают статистические данные двух наиболее древних и наиболее известных памятников старофранцузского языка «Житие св. Алексея» и «Песнь о Роланде». Первый текст относится к жанру агиографии, второй — к жанру эпоса. Если принять за 100% употребление трех наиболее используемых форм прошедшего времени: перфекта, имперфекта и сложного перфекта, то получим следующие данные.

Памятник	перфект	имперфект	сложный перфект
«Житие св. Алексея»	69,6%	9,2%	21,2%
«Песнь о Роланде»	53,1%	3,8%	43,1%

Выбор этих двух жанров объясняется следующими причинами.

Наиболее древними являются тексты, относящиеся к двум видам письменности: эпическому и клерикальному канонам. В хронологическом плане приоритет принадлежит клерикальной литературе, первые письменные памятники которой относятся к концу IX в. В плане коммуникативной

значимости и количественной репрезентации доминируют эпические произведения, древнейшие записи которых датируются началом XII в.

И эпические и клерикальные тексты являются стихотворными. Поэтому употребление в них языковых средств во многом подчинено требованиям структурно-текстовой организации. Некоторые исследователи объясняют «недифференцированное» употребление глагольных времен именно нуждами версификации. Однако наблюдения за функционированием глагольных форм в разных жанрах показывают, что система времен подчиняется особенностям языковой ситуации, которая сложилась в донациональный период. Отличительной чертой такой ситуации является разделение сфер влияния классического и младописьменного языков. Так, большинство клерикальных текстов являются либо переложениями латинских оригиналов, либо своеобразными переводами. Поэтому они находятся под большим влиянием латинского языка. В языковом отношении они включают много латинизмов на разных языковых уровнях (орфография, семантика, синтаксис).

Героический эпос возник на общенародной основе, у него нет образцов в латинском языке. Эпические произведения отражают младописьменную традицию, а клерикальные тексты представляют сферу влияния классического языка. Разница в употреблении лингвистических средств в этих видах письменности проявляется на всех уровнях функционирования языка.

Преобладающим жанром клерикальной литературы являются жития святых, которые и рассматриваются в данной статье.

При этом необходимо отметить, что жанровые ограничения в употреблении времен проявляются только в плане сюжета (повествование), а в плане непосредственного общения (прямая речь) они не выражены. Это можно объяснить тем, что прямая речь не имеет правил письменной традиции и отражает разговорный стиль речи. План повествования имеет жанровые ограничения, так как эпос был предназначен для устного исполнения и фиксирует разговорный стиль. Именно поэтому в эпосе большая частотность у сложного перфекта, характерного для разговорной речи. Агиографии с самого начала появились как жанр письменной литературы, и с самого начала ориентировались на книжную

латынь. Поэтому уже в самых ранних агиографиях встречается форма имперфекта намного чаще, чем в эпосе.

Форма сложного перфекта широко употребляется в плане непосредственного общения и в эпосе, и в агиографии. Такое использование этой формы связано с грамматическим значением сложного перфекта, которое зависит от семантики глагола. С предельными глаголами сложный перфект означает наличие результата действия в момент речи:

Conquis l'en ai pais e tere tantes
Que Carles tient ki ad la barbe blanche
(Chanson de Roland, 2322—23)

Это первоначальное значение этой формы, которое эта конструкция имела еще в латинском языке, когда простой перфект утратил это видовое значение, так как стал использоваться как историческое время.

С неопредельными глаголами сложный перфект означает действие, состояние, продолжающееся в момент речи. Это значение и обуславливает функционирование этой формы в прямой речи с глаголами, выражающими деятельность, работу, занятие, типа *servir, attendre, tenir, faire*, где ее частотность составляет в эпосе 45,4%, а в агиографии — 41,7%.

Это значение не может проявляться в повествовании, где точкой отсчета служит векторный нуль, за которым не стоит экстралингвистическая действительность, или, вернее, она одна для всех прошедших времен. Поэтому с этой семантической группой глаголов в плане сюжета употребляется простой перфект, который является наиболее частотной и универсальной формой в старофранцузском языке.

Простой перфект имеет две конкурирующие морфологические формы в плане сюжета: сложный перфект при употреблении с предельными глаголами и имперфект при употреблении с неопредельными глаголами.

Одинаковое употребление простого и сложного перфектов объясняется тем, что они прошли один путь развития. Перфект в латинском языке означал совершенное настоящее, но постепенно из видовой формы превратился во временную. Сложный перфект появился уже в классической латыни как перифраза, компенсирующая это утраченное значение перфекта. Обе формы начинают использоваться с предельными глаголами, способными передавать значение завершенности действия. К старофранцузскому периоду про-

изошел семантический сдвиг в значении сложного перфекта. Он теряет видовое значение и начинает употребляться как временная форма. С неопредельными глаголами сложный перфект стал использоваться позже, уже став временем. Поэтому при употреблении с неопредельными глаголами разница в функционировании этих двух форм еще не стерлась. Сложный перфект связан с моментом речи:

En cest pais avez estel set ans
Mult unt oïd e peines e ahans
(Chanson de Roland, 266—267)

Простой перфект означает просто факт в прошлом:

Fus-tu a Nimes, la fort cite garnie?
(Le Charroi de Nimes, 904)

В современном французском языке в последнем случае будет употреблен сложный перфект, который прошел уже достаточно длинный путь развития как временная форма.

Простой перфект выражает прошедшее время и в плане сюжета, как в современном французском языке, и в плане непосредственного общения, что нехарактерно для современного языка.

Например:

Dous de vos cuntes al paien tramesistes,
L'un fut Basan et li atres Basilies.
(Chanson de Roland, 207—208)

Особенностью старофранцузского языка является использование простого перфекта в описательной функции. Наиболее часто в форме простого перфекта стоят глаголы «estre» и «aveir» при характеристике субъекта. При этом в зависимости от жанра соотношение между формами перфекта и имперфекта колеблется. Сложный перфект в данной функции не употребляется. В эпосе частотность простого перфекта достигает 86,1%, а имперфекта — 13,9%. В агиографии имперфект (42,8%) теснит форму простого перфекта (57,2%).

Форма перфекта не зависит от формальной структуры предложения. Он употребляется и в главном, и в придаточном предложениях:

Li quens Guillelmes fut molt gentis e ber.
(Le Charroi de Nimes, 29)
Co est Climborins, ki pas ne fut produme
(Chanson de Roland, 1528)

Частотность имперфекта в придаточном предложении гораздо больше, чем в независимом предложении. В эпосе в придаточном предложении получается такое соотношение: перфект — 78,6%, имперфект — 21,4%. В агиографии имперфект в придаточном предложении вытесняет форму перфекта. Его частотность достигает 62,5%. Такое употребление имперфекта связано с функцией согласования времен, т. е. структурной функцией имперфекта.

Известно, что в ранних памятниках (X—XI вв.) имперфект встречается редко. Такие значения латинского имперфекта как повторяемость, обычность действия, процессуальность действия, свойственные этой форме, стали передаваться в старом языке аналитическими конструкциями. Одна из основных функций имперфекта, как настоящего в прошедшем, в народной латыни, представляющей собой обиходный стиль речи, не употреблялась. Из-за этого его частотность в народной латыни, а затем и в начале старофранцузского периода мала. Другая причина редкого использования имперфекта связана с тем, что форма перфекта могла передавать значение длительности действия. Это значение передается в старом языке с помощью целого комплекса языковых средств, таких, как: семантика глагола, обстоятельства времени и места, некоторые характеристики подлежащего и дополнения, среди которых можно отметить одушевленность субъекта действия и количественную характеристику дополнения. Морфологическая форма глагола играет незначительную роль в выражении этого видового значения.

Употребление перфекта и имперфекта в старом языке зависит от жанра произведения и формальной структуры предложения. Так, в эпосе соотношение этих форм 75%:25%, а в агиографии — 51,2%:48,8%. Однако и в эпосе, и в агиографии имперфект используется чаще в придаточном предложении, чем в независимом или главном. В эпосе соотношение перфект: имперфект в придаточном предложении составляет 44,5%:55,5%, в агиографии — 38,3%:61,7%. Таким образом, имперфект используют в структурной функции, для согласования времен. Грамматическое же значение имперфекта не отличается от значения перфекта.

Например:

Prist Julien qui gardeit la contree
(le Courenement de Loois, 2036)

La cort i out bone, tel
ne verrez ja mais,
Quatorze conte garderent
le palais
(Ibid, 29—30)

Особенно наглядно одинаковая семантическая функция этих форм проявляется тогда, когда разные списки одного текста дают разные формы. Так, глагол *soleir* может стоять и в форме имперфекта, и в форме перфекта. Этот глагол имеет значение «иметь обыкновение», т. е. передает своим лексическим значением одно из грамматических значений латинского имперфекта.

As riches home out mestier
E as povres soleit eidier
(Vie de St. Thomas, m. T, XIII s.)

As riches home out mestier
E as povres sout eidier
(Vie de St. Thomas, m. P.)

Распространение имперфекта в старофранцузском языке происходит благодаря его структурной функции. Именно поэтому, в начале старофранцузского периода, когда язык не имеет своей письменной традиции, форма имперфекта употребляется редко. В эпосе она используется преимущественно с глаголами «*imperfectiva tantum*», семантическое значение которых безразлично к достижению внутреннего предела действия. В «Песне о Роланде» на 36 форм имперфекта 27 употреблений приходится на глаголы «быть» и «обладать». Но уже в самых ранних агиографиях имперфект используется не только с глаголами «*imperfectiva tantum*», но и с процессуальными глаголами.

Например:

Tres femmes van al monument,
molt cars portaent urquemenz.
(Passions de Christe, 391—392)

Это происходит потому, что авторы агиографий пользуются системой, разработанной в праязыке, т. е. латинском языке, где существовало правило согласования времен, и где имперфект имел не только семантическую функцию (видовую), но и структурную, так как служил для передачи настоящего времени в план прошедшего. Уже в народной латыни имперфект утрачивает семантическую функцию. С появлением письменных текстов структурная функция проявляется прежде всего в житиях святых, представляю-

щих собой переложения латинских текстов. Эта функция имперфекта проявляется и в эпических памятниках, хотя и предназначенных для устного исполнения, но зафиксированных в письме. С развитием письменности благодаря этой структурной функции имперфект распространяется во французском языке.

В старом языке употребление времен обусловлено, как и в современном языке, семантическими или структурными функциями глагольных форм. Но отсутствие общепринятой нормы повлияло на разное использование прошедших времен в зависимости от жанра. В прямой речи, в которой за хронологическую точку отсчета принимается момент речи, жанровых ограничений в употреблении времен не наблюдается. Формы простого и сложного перфектов, которые являются основными формами прошедшего времени в прямой речи, различаются по своему грамматическому значению. Простой перфект означает просто факт в прошлом в связи или без связи с моментом речи, а сложный перфект всегда связан с моментом речи. Форма имперфекта в прямой речи в значении прошедшего времени не употребляется.

В повествовании используются три формы прошедшего времени. Сложный перфект употребляется с предельными глаголами и является грамматическим синонимом простого перфекта. Такое функционирование сложного перфекта характерно для эпоса, отражающего разговорный стиль речи. С неопределенными глаголами грамматическим синонимом простого перфекта выступает имперфект. Благодаря своей структурной функции он встречается в агиографиях, представляющих книжный стиль речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бондарко А. В. Основы построения функциональной грамматики//Известия АН СССР, серия литературы и языка. — 1981. Т. 40. — № 6. — С. 483—495.

2. Григорьев В. П. Жанрово-стилистическая определенность текста и становление языка испанской национальной литературы. — АДД.— Л.: ЛГУ, 1983, — С. 3.

3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л.: Наука, 1972, — С. 75.

С. А. Пармонова

(Ужгород)

СЕМАНТИКА И ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА

Проводимый в данной работе анализ основывается на предпосылке о непосредственном влиянии семантики глагола (и шире предиката) на формирование значения видо-временных форм во французском языке. Такой подход основан на различении объективных «событий» в широком смысле слова, как онтологических сущностей, отражающих определенную ситуацию внешнего мира, и их отображения в лексических значениях глаголов.

Представление о том, что в глагольной лексике находят свое отражение такие различные явления действительности, как свойства постоянные и свойства изменяющиеся, статичность и динамика самих предметов и их свойств, издавна учитывается при описании языков различного строя [5, 164; 9, 18; 11, 317—318; 13, 34; 16, 230]. Полярность действия и состояния, по определению Г. А. Климова [5, 164], является определяющей в «структурном механизме» языка. И действительно, это противопоставление, в основном семантическое, оказывается категориальным, подчиняя себе структурную организацию предложения в целом (выбор актантов и видо-временных характеристик).

В связи с этим целью работы является выяснение вопроса, почему принадлежность предиката к тому или иному семантическому классу допускает лишь определенного рода временную соотнесенность и исключает временную отнесенность другого рода или иначе, каким образом выбор той или иной видо-временной формы может быть объяснен собственно семантическими особенностями, связанными с самим (онтологическим) характером глагольного действия.

В своей работе мы опираемся на большую традицию в исследовании предикатов в общем языкознании [4; 9; 10; 11; 12; 16], аспектуальности в русистике [2; 3; 7], глагола во французском языке [8; 14; 15].

При описании «события» важным представляется отношение между моментом речи, референциальными точками

отсчета и характером протекания действия во времени уже безотносительно к моменту речи. Как известно, всякое действие, выраженное глаголом, локализуется по отношению к «hic» и «nunc» говорящего лица [1, 272]: настоящее, прошедшее и будущее или по отношению к другому моменту в прошлом и будущем (относительные времена или таксис). Это внешнее время, «le temps expliqué» [14, 47]. С другой стороны, глагол, служащий выражению действия, рождает в сознании говорящего представление о времени, необходимом для осуществления названного действия. Такое «время» является внутренним, ингерентным свойством самого выражаемого действия, «le temps impliqué» [14, 47—48]. Таким образом, отношение глагола, обозначающего действие, ко времени двойко: он имплицитно, т. е. включает время (внутренняя темпоральная структура — вид как семантическая категория), и эксплицитно его, ибо сам в него включается (темпоральная локализация). Универсальное деление глаголов на предельные и непредельные (le mode d'action) как раз и основывается на понятии «внутреннего времени», т. е. времени, необходимом для осуществления действия, названного семантикой глагола, в отличие от «внешнего времени», категории «дейктической» [6, 291].

Под видом мы понимаем информацию о действии, которая соотносится не с местом на временной оси, но с внутренней структурой интервала или с временным распределением действия, события или состояния.

В процессе анализа мы убедились, что природа ситуации, с которой соотносится действие, событие или состояние, определяет некоторые собственно видовые характеристики глагола. Речь идет о качественных характеристиках аспектуальности. Другой тип вида, «дейктический», зависит от того, как воспринимает говорящий происходящее, занимающее часть интервала или весь интервал, целиком или с перерывами. Это количественные характеристики аспектуальности. Причем достаточно ориентироваться на два типа ситуаций, назовем их трансформативной и нетрансформативной, противопоставленной по признаку исчерпанности действия до конца, появлению нового состояния в результате чьего-то сознательного действия или деятельности. Способность действия достигать полноты преобразования предмета, с которым данное действие связано, характеризует трансформативную ситуацию, которая выражается пре-

дельным глаголом. В отличие от нетрансформативной ситуации, которая представляет внутренний интервал действия в виде отрезка большей или меньшей протяженности в зависимости от внешнего времени (точечного или линейного), трансформативная ситуация содержит пресуппозицию о несуществовании данного действия до точки отсчета и импликацию о его осуществлении, реальном или потенциальном (уже за пределами «внутреннего пространства» изображаемой ситуации). Сравним: *Le papier était jaune* (стабильная качественная характеристика бумаги). *Le papier jaunissait* (трансформативная ситуация, обозначающая переход из одного состояния в другое. Речь идет о процессе в смысле Чейфа, т. е. об изменении, которое претерпевала бумага, чтобы, «не будучи желтой», «стать желтой»).

Обобщение результатов других работ и анализ фактического материала позволяет представить предикативные типы французского языка в виде системы, объединенной рядом признаков. Все рассмотренные предикаты распадаются на два класса, выделенные по признаку направленности/ненаправленности действия на достижение предела или по характеру внутреннего интервала действия, содержащегося в самой глагольной лексеме. Это предикаты, соотносимые с трансформативной или нетрансформативной ситуациями.

I. Нетрансформативные ситуации включают группы предикатов со значением 1) состояния (волевое: глаголы *vouloir, désirer, espérer, souhaiter*; эмоциональное: *sentir, aimer, détester, plaindre*; интеллектуальное: *croire, penser, connaître, savoir, entendre*; восприятие: *regarder, écouter*);/2) нахождения в пространстве (глаголы существования: *exister, vivre, être, habiter*; пространственные глаголы: *côtoyer, contourner*);/3) деятельности в широком смысле этого слова (*travailler, parler, chanter, marcher, courir, voler, dormir*). В свою очередь, в предикатах деятельности можно выделить ряд подтипов — динамические: *bouger, glisser, courir* и нединамические: *jouer, chanter*. Среди динамических пространственно-ориентированные: *marcher, courir* и неориентированные: *vibrer, osciller, rythmer*; продолженные: *courir* и мгновенные: *sauter*;/4) отношения (*avoir, correspondre, constituer, représenter*). Эти группы связаны между собой определенной системой признаков: агентивностью, контролируемостью,

временным характером признака, динамичностью и пространственной ориентацией действия (для глаголов движения), зависимой ориентированностью действия во времени (таксис). Все эти предикаты реализуют один тип категориальной аспектуальности: процессность. Ситуации, описываемые предикатами рассматриваемого типа, представлены как естественным образом длящиеся, по своей природе к изменению не склонные, не предполагающие начала или конца временного интервала, в течение которого данная ситуация истинна.

II. **Трансформативные ситуации** включают следующие виды предикатов: 1) процессы, завершаемые новым положением дел; 2) действия, совершаемые активным производителем и направленные на конкретный объект с целью заставить этот объект принять новое состояние. Подобные ситуации передаются переходными глаголами со значением созидания и уничтожения объекта (*construire, fonder, former, inventer, composer, élaborer; effacer, ôter, abolir*), изменения свойств объекта путем воздействия на него (*percer, trouer, scier, griller, réparer, abîmer, changer, transformer*), воздействия на объект с целью изменения его внешнего вида (*orner, imprimer*), приобретения, передачи, отчуждения (*prendre, saisir, capter, obtenir, acquérir, acheter; donner, fournir; vendre, voler*), воздействия на умственную деятельность (*apprendre, expliquer, annoncer, enseigner*), побуждения и волеизъявления (*appeler, ordonner, exiger*), движения и перемещения объекта в пространстве (*traverser, percer, franchir, gagner, envahir*).

Трансформативные действия и процессы характеризуются предельностью реальной, когда предполагается определенная кульминация, или потенциальной. Сравним: *Martine tourna le bouton de la radio. Georges tournait les pages de son Parisien libéré. Tr. 89* Во втором предложении действие, представленное в «процессном аспекте», не перестает быть трансформативным с точки зрения его объективной природы: ведь возможность «tourner les pages» ограничивается объемом печатного издания.

Эти предикаты реализуют противоположный по сравнению с первым классом тип аспектуальности: целостный акт, занимающий полностью интервал отведенного ему внутреннего времени. И кроме признаков, выделенных для первого класса, трансформативные ситуации характеризуются толь-

ко им присущими признаками: законченностью, перфективностью и результативностью.

В чем преимущества подобной классификации? Она, на наш взгляд, может дать четкое и полное представление о функционировании видовременной системы французского языка, учитывая комбинаторику аспектуальных и темпоральных признаков с категориальными семантическими компонентами глагольных лексем.

При употреблении неопределенного глагола в линейных временах (*Présent*, *Imparfait*) для отражения нетрансформативной ситуации и предельного глагола в точечных временах (*Passé composé*, *Passé simple*) для отражения трансформативной ситуации происходит синтез грамматических признаков с категориальными компонентами лексических значений глаголов. При наложении же противоположных признаков «побеждает» лексическая семантика. Грамматическое значение лишь наслаивается на лексическое. Таким образом подчеркивается доминирующая роль предельности/неопределенности в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой оно не выражалось. Именно характер трансформативного действия, заложенный в предельных глаголах, позволяет глагольным формам *Présent*, *Imparfait*, характеризующимся имперфективностью, выступать во вторичных функциях «*Présent historique*» и «*Imparfait stylistique*». Например: *Crime, crime et surcrime! Elle se jette par la fenêtre parce que son mari la trompe! Il trouve sa femme au lit avec son amant, il les tue tous les deux! Le jeune homme quitté étrangle sa fiancée.* Ch. 295 (серия законченных, сменяющих друг друга действий).

Разграничение трансформативных (потенциально внутреннеопределенных) и нетрансформативных (допускающих только внешний временной предел) ситуаций позволяет понять двойственность семантики *Passé composé* и *Plus-que-parfait*: с одной стороны, законченность действия, осуществленного полностью и результирующего изменение ситуации к определенному моменту речи — актуальному для *Passé composé* и неактуальному для *Plus-que-parfait*, с другой стороны, действие, имеющее место в прошлом, но без результата к точке отсчета. Форма *Passé composé* от предельных глаголов в основной массе его употребления воспринимается как включающее сему «достижение предела с известным результатом»: *il est venu (-il est là); il l'a oublié (-il ne le*

gappelle plus). Формы Passé composé от неопределенных глаголов, в лексических значениях которых, напротив, обобщенно процессное представление действия, значения завершенности и результативности не включают: J'ai joué sans le savoir les numéros gagnants d'il ya trois mois!.. Ça te fais pas rigoler! Qu'est-ce qu'on a ri! Tiens, j'en ris encore! Ch. 301

Итоги статьи можно выразить очень коротко: предложенная классификационная схема для описания семантики предикатов на основе внутренней и внешней локализации во времени является лишь первым шагом. Незавершенность ее очевидна. Многие положения предложенной системы требуют дополнительных доказательств (в частности, совсем не исследованы количественная аспектуальность: фазовые характеристики, кратность действия; роль временных наречий и их различная сочетаемость с разными типами предиката). Однако формальный принцип классификации в зависимости от типа ситуации, с которой соотносится глагольная лексема, способствует полному и когерентному описанию функционирования видо-временной системы французского языка и дает основание говорить о целесообразности ее дальнейшей разработки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
2. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983.
3. Бондарко А. В. Семантика предела//Вопросы языкознания.— 1986. — № 1. — С. 14—25.
4. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. — М., 1965.
5. Климов Г. А. Типология языков активного строя. — М., 1977.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — М., 1978.
7. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л., 1984.
8. Реферовская Е. А. Аспектуальные значения французского глагола//Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л., 1984.
9. Семантические типы предикатов. — М., 1982.
10. Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов//Изв. АН СССР, сер. лит. и языка, 1980.— Т. 39.— № 4.— С. 311—323.
11. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семантическая грамматика). — М., 1981.
12. Чейф У. Значение и структура языка. — М., 1975.

13. Godel R. Verbes d'état et verbes d'événement//Cahier F. de Saussure, 1950, N 9, p. 33—50.
14. Guillaume G. Langage et science du langage. Paris-Quebec, 1969.
15. Martin R. Temps et aspect. Paris, 1971.
16. Vendler Z. Verbs and times//Der Englische Aspect. Darmstadt, 1974, S. 217—234.

Источники и принятые сокращения

- Ch. — Chapsal M. Un flingue sous les roses (pièces de théâtre). P., 1985.
Tr. — Triolet E. Roses à crédit. P., 1976.

С. М. Кибардина, Т. И. Смирнова
(Вологда)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВАЛЕНТНОСТИ ГЛАГОЛОВ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале немецкого языка)

Валентность глагола представляет собой способность сочетаться с определенным кругом языковых единиц, предопределяя их количество, семантику, способ и форму выражения. Валентностные свойства глагола определяются его принадлежностью к семантическому типу глаголов с общей валентностной структурой. Конкретные глаголы модифицируют эту структуру в зависимости от семантических компонентов, входящих в их значение [1]. Например, валентностная структура передачи субъектом объекта адресату в «чистом» виде представлена у глагола *geben*, у глаголов *schicken*, *leihen*, *vermieten*, *verkaufen* и других она модифицируется за счет включения в их валентность дополнительных актантов, обусловленных наличием соответствующих компонентов в значениях глаголов, в частности, глагол *schicken* предполагает цель (*zum Geburtstag*), глаголы *leihen*, *vermieten* — срок (*für ein Jahr*), глагол *verkaufen* — плату (*für 20 Mark*). Валентностная структура движения предполагает наличие трех пространственных актантов, называющих соответственно начальную, конечную и промежуточные точки движения (ср. глаголы *gehen*, *fahren*), предельные глаголы движения чаще ориентированы на один

из этих актантов (ср. *kommen, gelangen*), глаголы *besuchen, verlassen* выделяют один пространственный актант, представленный формой винительного падежа, в результате чего он приобретает объектную семантику.

Понятие обязательности/факультативности актантов глагола обычно рассматривается преимущественно в (формально)-структурном плане [2]. Мы считаем необходимым выделять не только структурно, но и содержательно факультативные актанты и разграничиваем в целом следующие типы актантов:

содержательно и структурно обязательные актанты — актанты, конституирующие валентностную структуру типа глаголов, не опускаемые из предложения без нарушения его грамматичности. Структурно и содержательно обязательными являются прежде всего субъект (у всех типов глаголов, кроме бессубъектных) и объект (у многих типов или отдельных глаголов), в более редких случаях — другие актанты, например, актант с пространственной семантикой у некоторых глаголов положения в пространстве и движения, актант, называющий признак, у глаголов поведения и некоторых других, ср.: *Er erwartet seinen Freund; Er verwöhnt sein Kind; Er wohnt in Dresden; Er gelangt ins Dorf; Er benimmt sich frech; Er fühlt sich unwohl;*

содержательно обязательные, но структурно факультативные актанты — они конституируют валентностную структуру типа глаголов, способны опускаться без нарушения грамматичности предложения и без изменения значения глагола, восстанавливаются на основе контекста и ситуации, например, объект при глаголах *warten, lesen, sehen*, адресат при глаголах передачи информации типа *sagen, schreiben, erzählen;*

содержательно факультативные актанты — всегда структурно факультативны. Данные актанты модифицируют основную валентностную структуру типа глаголов (ср. выше глаголы *schenken, leihen, verkaufen*). Их появление в предложении регламентируется в первую очередь коммуникативными факторами (выступают обычно в позиции ремы), в то же время они часто способствуют созданию своеобразной «структурной компенсации» в случае отсутствия содержательно обязательных актантов, ср.: *Er trank aus der Tasse; Er winkte mit der Hand; Er fuhr mit dem Zug; Er schrieb mit dem Füller.* Актанты этого типа обычно ограни-

чены в семантическом плане и зависят не от типа, а от семантики конкретных глаголов.

В данной статье рассматривается реализация содержательно обязательных актантов, которые могут быть в структурном плане как обязательными, так и факультативными. Обязательность/факультативность актантов, как и предрасположенность к сочетанию с определенным кругом членов предложения, не конституирующей валентность глагола, заложены в его семантике и связаны с другими семантическими компонентами. В частности, на обязательность/факультативность актантов оказывает влияние предельность/непредельность глагола. В общем виде зависимость между обязательностью/факультативностью и предельностью/непредельностью проявляется в том, что непредельные глаголы чаще имеют факультативный в структурном плане объект. Так, приставочные глаголы *erbauen*, *verbauen* в отличие от корневого *bauen* характеризуются обязательностью объекта. Глагол *bauen* может обозначать деятельность, не указывая на ее завершение, поэтому объект при нем факультативен [3]. Непредельные глаголы такого типа легко отвлекаются от объекта в ситуации *hic et nunc*, ср.: *Er baut*; *Er liest*; *Er schreibt*; *Er denkt*; *Er hört*.

Отсутствие в предложении факультативного актанта следует отличать от реализации одновалентного значения глагола, при котором все актанты, кроме субъекта, выходят из поля зрения, часто при этом происходит сдвиг в плане категориального значения глагола — он часто обозначает характерную для субъекта деятельность, не связанную с конкретными темпоральными и локальными координатами, ср.: *Er schreibt* = *Er ist Schriftsteller*; *Er raucht* = *Er ist ein Raucher*; *Diese Speise sättigt*. Факультативные в структурном плане актанты всегда восстанавливаются из контекста.

Существует определенная зависимость между общим количеством актантов глагола и степенью их обязательности. Глаголы с количеством актантов более двух обычно не реализуют полностью свою валентностную структуру, в предложениях с ними чаще встречаются сочетания актантов [4]. Так, глаголы речи чаще реализуют сочетания субъекта и объекта или субъекта и адресата, чем все три актанта одновременно, ср.: *Er sprach mit seinem Freund*; *Er sprach über seine Arbeit*; *Er sprach mit ihr über den neuen Film*;

глаголы движения чаще реализуют сочетание субъекта с одним из пространственных актантов, преимущественно с конечной точкой движения типа *Er ging zu seinem Freund*; *Er fuhr nach Berlin*; реже — с другими пространственными актантами: *Er ging durch die Stadt*; *Er ging aus seinem Zimmer*; значительно реже встречаются сочетания двух пространственных актантов типа *Er ging aus dem Haus in den Garten*; *Er ging durch den Platz zum Theater*; полностью валентностная структура глаголов движения реализуется в единичных случаях [5].

Наличие или отсутствие актантов глагола в предложении является результатом взаимодействия валентностных свойств глагола, обусловленных его семантикой, со структурными факторами организации предложения: его коммуникативной установкой, тенденцией к употреблению наиболее частотных моделей предложения. Для субъектных глаголов такой наиболее частотной моделью является трехкомпонентная структура, для объектных — четырехкомпонентная [6]. Данные факторы проявляются во всех видах текста. В диалогическом тексте действуют, на наш взгляд, некоторые дополнительные структурные факторы, увеличивающие возможности отсутствия актантов.

В диалогическом тексте достаточно часто отсутствует обязательный во всех отношениях актант — субъект, преимущественно в первом или втором лице, т. е. лицах, называющих непосредственных участников диалога, ср.: «Gehört dir der Wagen?» fragt der Schnauzbart. »Hab ihn geholt mit Otto, gehört aber allein» (GGP, 71); «Ach, bist du ein Dickkopf. Stehst im Regen und wartest»... (GGH, 209); возможно также отсутствие субъекта в третьем лице: — Und Sie glauben, das hat Sinn?— Wird sich zeigen (WPM, 313); «Ist mir aus der Hand gefallen, weiter nichts» (KJP, 190).

Существенно, что в случае отсутствия субъекта прочие актанты, как правило, присутствуют, как, например, объект при глаголах *verdienen*, *fragen*, *fressen*, *halten*, *verlieren*: — Sind wir eigentlich glücklich gewesen? — Was soll das? Hast auch früher nicht danach gefragt (CHM, 255); «Hab Geld verdient» (GGH, 82—3); «Hast Salz gefressen, pfundweise...» (GGH, 8); — Hältst am Ende zuviel Vieh in den Ställen (HSS, 242); — wir sind etwas früh, Herr Professor.— Haben gestern einen Tag verloren (WPM, 317).

Во всех приведенных примерах присутствуют также чле-

ны предложения, не обусловленные валентностью глагола, в частности, обстоятельства времени и места.

В диалогическом тексте повышается влияние категории времени на реализацию актантов глагола во взаимодействии с другими структурными факторами.

Так, в диалогическом тексте чаще, чем в авторском повествовании, встречается употребление глаголов в форме презенса с одним субъектом в ситуации *hic et nunc*: — Haben Sie denn nicht gearbeitet? — Ich schrieb (LFU, 41); Aber wie kommt sie hierher? — Ist bereits im Block und wartet (ZRB, 282); — Wie kommen Sie denn vorwärts? — Vorwärts? Ich weiß nicht. Ich beobachte (KRM, 570) Mr. Gubanow, erinnern Sie sich noch an die Konferenz in San Francisco, im Februar? — Ja, ich erinnere mich. Guten Tag (ASZ, 179).

В таком употреблении встречаются не только глаголы, которые вообще предрасположены к нему (типа *warten*, *beobachten*), но и глаголы со структурно обязательным объектом, который редко опускается в условиях авторского повествования, например: Worauf haben wir Appetit, Frau Weber? — Ich nehm mir denn schon (CHM, 291). «Du hast das Angebot angenommen». «Ich lehne ab» (KJP, 136); Der Stall geht an Bergmann. Morgen früh übergebe ich (HSS, 267); —... Hast du dich sehr verändert? — Ja, ich hoffe. Und du? (SPR, 137); — Sie haben noch nicht unterschrieben. — Ich unterschreibe nicht (WPM, 330).

Особого внимания заслуживает употребление перфекта, который часто встречается в диалогической речи. В предложениях с перфектом актанты отсутствуют особенно часто, в том числе обязательный объект, ср.: «Wir stehen im Parkverbot». «Du hast doch bezahlt», sagt Oskar (HOZ, 223); «Verdienst du dann tatsächlich mehr?», «Ja. Hab mich erkundigt» (GGH, 271); «Wo hast du das Messer her?» Er hebt den Kopf. «Hab ich mir angefertigt» (GGH, 16).

В предложениях такого типа возможно полное отвлечение от объекта и обозначение глаголом действия как характеристики субъекта, т. е. приобретение значения, которое в первую очередь типично для презенса, ср.: — Was wollen Sie von mir? — Ich muß mit Ihnen reden. Ich habe getötet (FDD, 34); «Ein Dieb? Was hat er denn geklaut?» «Egal was. Er hat geklaut. Er ist ein Dieb» (HOZ, 43).

Следует отметить, что в приведенных примерах в большинстве случаев отсутствуют и члены предложения, не

предполагаемые валентностью глагола, хотя в целом они встречаются в авторском повествовании при отсутствии актантов достаточно часто [6]. В подобных предложениях глагол в перфекте всегда попадает в позицию ремы, что, очевидно, также составляет специфику диалогического текста.

Наряду со стремлением к краткости выражения с опорой на ситуацию общения одной из причин такого употребления глаголов, по-видимому, является формальная трехчленность предложения с перфектной формой.

До последних лет вопрос о роли временных форм на реализацию актантов глагола специально не рассматривался. Приведенные примеры дают основание предполагать, что он нуждается в детальном изучении. Наряду с влиянием форм презенса и перфекта, способствующих опущению актантов, следует также отметить, что отсутствие актантов может сопутствовать форме будущего времени, ср.: — *Sind aber NO-Brikettes. Kosten einiges. — Wird schon klappen* (СНМ, 256). В меньшей степени в плане изучения особенностей реализации валентности глаголов в диалогическом тексте интересен претерит, в целом чаще являющийся объектом изучения и реже встречающийся в диалоге.

Наряду с рассмотренными выше факторами представляет интерес рассмотрение реализации валентности конкретных семантических типов глаголов, поскольку различные типы характеризуются разными валентностными свойствами, а также рассмотрение количества и семантики членов предложения, не предполагаемых валентностью глагола, но достаточно часто встречающихся в сочетании с различными типами глаголов [7].

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что диалогический текст характеризуется большей степенью отсутствия актантов глаголов (обязательных и факультативных) по сравнению с авторским повествованием, и выделить некоторые факторы, способствующие этому отсутствию, в частности, структурные особенности диалога, выражающиеся в отсутствии субъекта и преимущественном употреблении форм презенса и перфекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см.: Кибардина С. М. Валентностные свойства немецкого глагола. — Л., 1985, с. 42 и след.

2. См., например: Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. — М., 1978.

3. См.: Sommerfeldt K.-E. Zur Fakultativität von Valenzpartnern.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule «Liselotte Herrmann» Güstrow, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Fakultät, H. 2 1975, S. 173—185; P a s c h R. Zum Status der Valenz.— Linguistische Studien. Hrsg. von der Akademie der Wissenschaften der DDR, Reihe A (Arbeitsberichte), 42, Berlin, 1977.

4. Кибардина С. М. Актанты и распространители в предложениях с некоторыми лексико-семантическими группами глаголов (на материале немецкого языка).— Лингвистические исследования 1986. Взаимодействие лексических и синтаксических единиц.— М., 1986.— С. 75—84.

5. Там же.

6. Ср.: Дударева В. Н. Обстоятельства при глаголах с различной полной предикации в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— Л., 1987.

7. Кибардина С. М. Актанты и распространители...— с. 83.

Источники и принятые сокращения

ASZ — A. Stolper. Zeitgenossen. In: Neue Stücke,— Berlin, 1971.

CHM — C. Hammel. Morgen kommt der Schornsteinfeger.— In: Neue Stücke.— Berlin, 1971.

FDD — Fr. Dürrenmatt. Der Doppelgänger.— In: Fr. Dürrenmatt. Gesammelte Hörspiele.— Zürich, 1961.

GGH — G. Görlich. Heimkehr in ein fremdes Land.— Berlin, 1974.

GGP — G. Görlich. Der schwarze Peter.— Berlin, 1977.

HOZ — H. Otto. Zeit der Störche. Berlin und Weimar. 1975.

HSS — H. Sakowski. Steine im Weg.— In: Sozialistische Dramatik.— Berlin, 1968.

KJP — K.-H. Jakobs. Eine Pyramide für mich. Berlin und Weimar, 1973.

KRM — H. Kleineindam. Von Riesen und Menschen.— In: Sozialistische Dramatik.

LRK — L. Renn. Krieg. Nachkrieg. Berlin und Weimar, 1979.

LFU — L. Frank. Die Ursache.— In: L. Frank. Schauspiele. Berlin, 1959.

SPR — S. Pfaff. Regina B.— Ein Tag in ihrem Leben. In: Neue Stücke, Berlin, 1971.

WPM — Fr. Wolf. Professor Mamlock.— In: Fr. Wolf. Dramen. Berlin und Weimar. Bd. 2, 1973.

ZRB — H. Zinner. Ravensbrücker Ballade.— Berlin, 1961.

Л. М. Николаева
(Новгород)

СЕМАНТИКА ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ И СУБСТАНТИВНОМ КОМПОЗИТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Бесспорным в настоящее время является в языке факт асимметрии плана выражения и плана содержания. Данное положение теоретически обосновано и учитывается при ис-

следовании языковых единиц различных уровней. Диалектика отношений между формой и содержанием нашла сегодня отражение в исследовании языковых единиц на основе принципа полевого структурирования, одного из центральных понятий функциональной грамматики. Данный принцип позволяет проводить анализ грамматических единиц не только в направлении от формы к значению, но и в направлении от значения к форме, так что акцент делается на изучении функций языковых средств, закономерностей их функционирования в высказывании, на изучении взаимодействия элементов разных уровней. Таким образом, изучение языковых единиц с точки зрения функциональной грамматики позволяет связать систему языка и речи, то есть парадигматический и синтагматический аспекты, затрагивает проблему грамматической синонимии.

Задачей настоящей статьи является показать взаимодействие разноуровневых моментов в реализации атрибутивных отношений, передаваемых словосочетанием с так называемым относительным прилагательным и определительным сложным существительным (в трудах зарубежных германистов такие сложные существительные называются: *Determinativkomposita oder Bestimmungszusammensetzungen*) [1].

В плане содержания данные структуры следует рассматривать как грамматические синонимы, так как между компонентами словосочетания (типа: *demokratische Rechte des Volkes*) и компонентами сложного существительного (типа: *Hafenarbeiter*) обнаруживаются сходные, определительные отношения, что доказывается, в частности, возможностью трансформации словосочетаний в композит и, наоборот, композита в словосочетание. Например: *eine hölzerne Platte — eine Holzplatte; Staatsorgane — staatliche Organe*. В немецком языке немало субстантивных композитов, которые могут иметь соответствия с словосочетаниями с относительным прилагательным. Несомненно, каждая из этих языковых единиц, несмотря на сходство по семантике передаваемого признака, имеет свои особенности как в плане значения, так и функционирования в речи. Детального изучения и освещения этот вопрос пока не нашел, но на факт семантической близости признака, передаваемого первым компонентом субстантивного композита и относительным прилагательным, в научной литературе указывается. Отмечается, что относительное прилагательное, как и первый

компонент субстантивного композита, типизирует предмет мысли, то есть имеет родовой характер [2]. Следовательно, по семантике передаваемого отношения субстантивный композит имеет больше общего с словосочетаниями: относительное прилагательное+существительное, по сравнению с другим своим синонимом: словосочетанием, состоящим из двух существительных, одно из которых выражено формой косвенного падежа и передает признак предметной субстанции, выраженной ядром групп. (Типа: *das Haus der Eltern*; *die Wand eines Hauses*; *die Uhr an der Wand*. Ср.: с соответствующими композитами: *Elternhaus*; *Hauswand*; *Wanduhr*).

Несмотря на возможность трансформации данных словосочетаний в композиты, они отличаются от композитов не только по форме (словосочетание — синтаксическая единица, композит — единая лексема), но и по семантике передаваемых отношений. Композит передает обобщенные отношения (*allgemeine Verhältnisse*) [3], словосочетание такого обобщения не имеет.

Обобщенность, типизация признака, выраженного первым компонентом субстантивного композита, обусловлена спецификой семантической связи между обоими компонентами композита. Субстантивные определительные композиты выражают некую постоянную связь между содержанием опорного слова и содержанием слова, выражающего его признак. Я. Гримм называл такое отношение в композите «*bleibendes Verhältnis*» [4]. Благодаря такой постоянной связи между опорным словом и атрибутом композит передает типизированный, постоянный признак предмета. Напротив, соответствующие субстантивные словосочетания передают признак, приписываемый предмету в данный момент [5].

В отличие от сочетаний из двух существительных, словосочетания с относительным прилагательным передают, как и композиты, типизированное представление о предмете. Ср., например: *städtische Bevölkerung*, *Stadtplanung*, где признак имеет родовой, типизирующий характер, и словосочетания *die Straßen der Stadt*, *die Straßen dieser Stadt*, в которых признак не имеет такого обобщенного значения.

Следует, однако, отметить, что в немецком языке класс относительных прилагательных развит значительно слабее, чем в русском языке. Чаще всего словосочетание русского

языка, состоящее из существительного и относительного прилагательного, передается в немецком языке через словосложение. Ср., например: солнечные часы — Sonnenuhr; настольная лампа — Tischlampe; зимняя стужа — Winterkälte. Анализ фактического материала убеждает, что в немецком языке использование относительных прилагательных не столь редко, как принято считать традиционно. Вопрос в том, в каких случаях предпочитается употребление относительного прилагательного, в каких случаях употребляется сложное слово. Следует ли данное явление объяснять семантическими, узуальными, стилистическими или другими причинами. Ответить на этот вопрос поможет изучение обеих единиц с двух сторон: их общих и различительных семантических признаков; различий в условиях функционирования каждой из структур.

Несмотря на общность в семантике передаваемого признака словосочетание с относительным прилагательным и композит представляют собой два различных языковых уровня: лексический и синтаксический. Традиционно композиту приписывается статус лексической единицы, что обусловлено его цельнооформленностью [6]. Словосочетание с относительным прилагательным, если оно не имеет идиоматического значения, представляет уровень синтаксический. Однако такой подход к определению сущности этих двух единиц не может учитывать целого ряда переходных случаев, когда словосочетания с относительным прилагательным не отвечают в полной мере статусу «свободного» словосочетания, а сложные существительные — статусу лексической единицы. Целый ряд исследователей, выдвигая принцип цельнооформленности как критерий разграничения сложного существительного и словосочетания, отмечают в то же время его уязвимость, пытаются уточнить содержание термина «цельнооформленность». Так, Х. Глинц, имея в виду форму композита, отмечает, что цельнооформленность представляет собой орфографическую традицию (Schrifttradition) [7] в письменном представлении композитов. В. Фляйшер также указывает на недостаточность данного критерия в разграничении лексических и синтаксических единиц, рассматривает целый ряд переходных случаев между свободными синтаксическими сочетаниями и словом. По его мнению, большинство сложных слов нельзя назвать «цельным словом» [8]. С этим нельзя не согласиться, тем более, что

в современном немецком языке постоянно возрастает число сложных существительных, передаваемых в орфографии с помощью дефиса: April-Revolution (J. W., 21.05.87); Inhalt-Form-Dialektik (Fleischer, S. 99).

В. Фляйшер предлагает в связи с этим различать словосложение как процесс и словосложение как результат [9]. Справедливым поэтому представляется рассмотрение субстантивного композита как явления, находящегося между двух полюсов: словообразованием и синтаксисом [10].

Субстантивные композиты могут передавать содержание целых синтаксических построений. Особенно характерны такие отношения для многокомпонентных композитов, которые Х. Эггерс называет «Augenblickskomposita», подчеркивая тем самым их сходство с синтаксическими структурами [11]. Например: Zeitonenwechsel (J. W., 21.05.87); Fünfjahrplanzeitraum (J. W., 21.05.87). Следовательно, цельнооформленность не может быть надежным критерием в разграничении лексических и синтаксических единиц, представляющих два вида языковой деятельности: номинативный и синтагматический. Известно, что не все словосочетания представляют собой синтагматическую единицу, то есть уровень речи. Словосочетания, именуемые устойчивыми, относятся к номинативным единицам, а значит к уровню языковых знаков. Плодотворным и отвечающим языковой действительности подходом представляется выделение В. М. Павловым словосочетаний со «статическим» синтаксическим отношением [12], которые отражают промежуточную зону между свободными и идиоматическими словосочетаниями. Это словосочетания, имеющие особую социальную значимость, обозначающие классы явлений, актуальные и важные для носителей языка. Анализ языкового материала показывает, что большинство таких словосочетаний состоит из относительного прилагательного и существительного. Типа: sozialistische Gesellschaft; soziale und demokratische Rechte; kapitalistische Länder; politische Schulung. Эти и подобные словосочетания используются в речи как заданные, то есть характеризуются значительной степенью социальной отработанности. Следовательно, типизация признака, передаваемого определением, имеет в таких словосочетаниях внеязыковые причины.

В немецком языке не редки случаи синонимического употребления сложных существительных и словосочетаний с относительным прилагательным, образованным от существ-

вительного, входящего в состав композита в качестве первого компонента: Например: Die zentralen faschistischen Staats- und Wirtschaftsorgane hörten auf zu bestehen (G. d. Sch., S. 16). Auch örtliche staatliche Organe nehmen daran teil (Trib., 20.8.86). Die Karin Schmidt lehnte sich an eine große hölzerne Tür (Wolk., 45). Die Tochter setzte sich auf einen grobgeschnittenen Holzstuhl (Schimmel, 28). В приведенных примерах обе синонимические структуры имеют одинаковую семантику и употребляются в идентичных контекстах. Выбор той или иной структуры обусловлен в данном случае прежде всего литературно-эстетической концепцией автора, стилистическими причинами. Стилистический потенциал субстантивных композитов чрезвычайно широк, так как они являются средством «уплотнения содержания» [13] высказывания и служат таким образом целям языковой экономики.

Часто предпочтение одного из синонимов обусловлено структурными особенностями словосочетания или предложения, в состав которых входят анализируемые единицы: Die Verschmelzung der singularischen Artikelform findet statt (Duden, 162). Die Singularform wird gebraucht... (Jung, 313).

Выбор относительного прилагательного в первом случае обусловлен его употреблением в качестве определения при сложном существительном с первым компонентом Artikel, что исключает использование существительного Singular в составе данного композита. Таким образом, определяемое слово Form имеет при себе два определения, одно из которых выражено прилагательным singularisch, другое — первым субстантивным компонентом в составе композита Artikelformen. Во втором примере определительные отношения представлены в более простой форме, то есть только между компонентами самого композита, что не препятствует использованию в качестве определительного компонента в композите существительного Singular.

Наряду с употреблением обеих коррелирующих структур в одинаковых или сходных контекстах можно наблюдать случаи их контекстуальной избирательности, что обусловлено различием в их семантике. В. Фляйшер отмечает, что ограничения в образовании композитов имеют часто структурно-семантический характер [14]. Так, в следующих предложениях существительное и образованное от него относительное прилагательное имеют разные условия функциони-

рования: Damit sind für uns wohl alle Spuren nach früher bergmännischer Tätigkeit verwischt (M. D., 25). ... sie waren alle Bergleute, die hier auf dem Hof vor einem halbfertigen Bergmannshaus ... standen (M. D., 38). Относительное прилагательное используется в качестве определения к существительному с семантикой процессуальности (Tätigkeit), существительное Bergmann выступает в составе композита в качестве определения к существительному с конкретной семантикой, имеющему значение предметной субстанции (Haus). Сравним также: das städtische Publikum (Joseph, 245) — in einem anderen Stadtteil (Adam, 8).

Различия в контекстуальных условиях эксплицируют семантическую дифференциацию обеих структур. Из приведенных примеров очевидно, что признак, передаваемый относительным прилагательным иной, чем признак, выраженный первым компонентом композита. Между компонентами композита устанавливаются отношения принадлежности (Bergmannshaus), части и целого (Stadtteil); такие отношения отсутствуют в словосочетаниях с относительным прилагательным. В то же время относительные прилагательные могут передавать признак, не свойственный для первого компонента композита. Ср.: kindliche Lippen (Siw., 348) и Kindergesicht (Joseph, 276). Признак, выраженный прилагательным дает в данном случае качественную характеристику определяемому, в семантике признака присутствует элемент сравнения: «Kindliche Lippen» — это не «Lippen eines Kindes», а «die Lippen, wie bei einem Kind».

Из более широкого контекста ясно, что речь идет о взрослом человеке с губами, как у ребенка. Такой элемент сравнения отсутствует в соответствующем композите. Семантическая дифференциация первого компонента композита и относительного прилагательного наблюдается также в следующих случаях: Problemvorlesung (Vorlesung über Probleme, mit Erörterung von Problemen) — problematische Vorlesung (fragwürdige Vorlesung) [15].

В ряде случаев один и тот же первый компонент композита соответствует двум различным относительным прилагательным: Kunstleder-künstliches Leder; aber Kunstmaler-künstlerischer Maler [16].

Нередко выбор одной из коррелирующих структур не обусловлен какими-либо семантическими или стилистическими причинами, и языковая норма допускает при этом варь-

рование. Так, одинаково правильными являются: fachliche Ausbildung u Fachausbildung (Trib., 20.8.86); stilistische Möglichkeiten u Stilmöglichkeiten (A. St., 89). Однако в одних случаях более частотное употребление имеют композиты, в других — словосочетания с относительными прилагательными. Ср., например: brüderliche Beziehungen (N. D. 17.8.76) — Bruderländer (J. W. 29.10.85); das beste bezirkliche Abschneiden (N. D., 19.8.75) — Bezirkskonferenz (N. D., 12.4.83); städtische Kanzleien (Weber, 101) — Stadtrat (DaF, 1971/3). Выбор той или иной структуры не связан, очевидно, с какими-либо семантическими или стилистическими особенностями данных структур. Предпочтительное употребление каждой из структур можно, по-видимому, объяснить узуальными причинами, имеющими ввелингвистический характер, социальной отработанностью той или иной структуры.

Ограничения в образовании композитов могут быть обусловлены языковой нормой. Так, с точки зрения системы языка одинаково допустимы композиты: Silberlöffel и Golduhr. Но с точки зрения языковой нормы правильным является только композит Silberlöffel, а Golduhr противоречит языковой норме, нормативным в данном случае будет словосочетание goldene Uhr [17].

Рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть все типичные случаи функционирования определительных субстантивных композитов и словосочетаний с относительным прилагательным как грамматических синонимов. Однако приведенные наблюдения и примеры дают, на наш взгляд, основание сделать вывод о том, что особенности функционирования обеих синонимических структур определяются не только семантическими и стилистическими причинами, как отмечается в научной литературе, но в значительной степени структурными, а также ввелингвистическими факторами, прежде всего фактором социальной отработанности данных единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1974, — S. 54.

2. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений сингаксиса и словообразования. — Л., 1985. — С. 143—144.

3. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.— Leipzig, 1980,— S. 374.
4. Grimm J. Deutsche Grammatik, 2. T.— Gütersloh, 1878.
5. Следует отметить, что словосочетания из двух существительных не всегда могут иметь соответствия в форме композитов. В таком случае словосочетания могут получать типизирующее значение. Вместе с тем целый ряд композитов и словосочетаний не различаются по семантике передаваемого признака в плане его постоянности (типичности) или непостоянности (нетипичности), как, например, в следующих парах: Sprachgeschichte— Geschichte der Sprache; Satzlehre— Lehre vom Satz.
6. Der große Duden. Bd. 4— Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.— Mannheim, 1966, S. 348,
Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»)/: Вопросы теории и истории языка— М., 1952.— С. 182—203.
7. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. 5. Aufl.— Berlin— München,— S. 396.
8. Fleischer W., S. 36.
9. Ebenda, S. 53.
10. Павлов В. М. Цит. работа.— С. 37.
11. Eggers H. Zur Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart-Studium generale. 1962.— S. 58.— N 1.
12. Павлов В. М. Понятие «синтаксического отношения» и вопрос о словосочетании как синтаксической единице//Инвариантные синтаксические значения и структура предложения.— М., 1969.— С. 131.
13. Riesel E. Schendels E. Deutsche Stilistik.— М., 1975—S. 182.
14. Fleischer W., S. 85.
15. Ebenda, S. 58.
16. Ebenda, S. 58.
17. Ebenda, S. 60.

Источники и принятые сокращения

- Adam — Böll H. Wo warst du Adam? Reclam.— Leipzig, 1974.
 A.St.— Seidler H. Allgemeine Stilistik.— Göttingen, 1963.
 DaF — Deutsch als Fremdsprache, Berlin, 1971, Heft 1—2.
 Duden — Der große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Bd. 4.— Mannheim, 1966.
 G. d. Sch.— Geschichte der Schule.— Berlin, 1968.
 Jung — Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.— Leipzig, 1966.
 J. W.— Junge Welt.
 Joseph — Mann Th. Joseph und seine Brüder.— Berlin, 1955.
 M. D.— Gotsche O. Mein Dorf, Halle/Saale, 1974.
 N. D.— Neues Deutschland.
 Schimmel — Fontane Th. Schimmelreiter, Reclam.— Leipzig, 1967. Trib.— Tribüne.
 Weber — Weber H. Das erweiterte Aktiv- und Partizipialattribut im Deutschen.— München, 1971.
 Wolk — Görlich G. Den Wolken ein Stück näher.— Berlin, 1975.

СВОЕОБРАЗИЕ И ФУНКЦИИ КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ШВЕЙЦАРИИ

Устойчивые сравнительные конструкции составляют существенную часть фразеологического инвентаря швейцарского варианта немецкого литературного языка. Они характеризуются не только эксплицитно выраженными структурными признаками, но и особым семантическим отношением, а именно, «особым характером семантического перевоплощения компонентов: абстрагированием от конкретного значения сравнительной группы, приобретением ею функции показателя интенсивности действия и качественной характеристики» [1]. Общая семантика компаративных фразеологизмов, определяющая их принадлежность к центральным элементам микрополя сравнительности, предопределяется и поддерживается структурной спецификой, позволяющей говорить о модельных свойствах (*Modellhaftigkeit*) устойчивых словосочетаний данного типа.

Необходимость исследования компаративной фразеологии национальных языков, особенно в сопоставительном плане, обусловлена самобытным характером образности, ее связью со спецификой культуры, истории, материальной и духовной жизнью народа, а также высокой частотностью употребления в речи фразеологических единиц этого типа [2].

Анализ швейцарского фразеологического состава позволил выявить многочисленную группу односторонне отмеченных компаративных фразеологизмов, которые образуют «особую национальную микросистему в общенемецком компаративном фразеологическом фонде» [3]. Сравнительные фразеологические гельвецизмы оформлены по общенемецким структурно-семантическим моделям, а национальное своеобразие проявляется прежде всего в лексическом наполнении этих моделей и в самобытном характере семантической интерпретации образов, в котором отражаются особенности образного мышления германошвейцарского языкового коллектива. Для раскрытия специфики национально детерминированной компаративной фразеологии представляется необходимым рассмотреть их на фоне обще-

немецких синтаксических схем с точки зрения особенностей компонентного состава и структурно-семантических свойств.

Исходя из признания компаративных фразеологических единиц (КФЕ) двухкомпонентными образованиями, в дальнейшем проводится последовательный анализ в целях характеристики и выявления особенностей сначала первого компонента — основания сравнения, затем второго компонента — квалификатора сравнения [4].

В зависимости от общекатегориальной принадлежности первых компонентов среди швейцарски отмеченных сравнительных конструкций выделяются:

а) вербальные КФЕ

В качестве глагольных компонентов — оснований сравнения — могут использоваться следующие лексемы, принадлежащие к различным тематическим группам:

— глаголы движения: wie durch den Anken **gehen**; wie der Hagel in den Haber (in die Bohnen) **kommen**; **drein laufen**, wie ein Blinder ins Moos;

— глаголы состояния: wie der Tschingg am Waldrand **stehen**; wie ein Türlistock da **stehen**; wie ein Rone **schlafen**;

— глаголы изменения состояния: wie ein Sack **umkehren**; wie ein KÜchli **aufgehen**; wie ein Lauffeuer **herumgehen**; wie Tau im Heuet **verdunsten**;

— глаголы, обозначающие различные трудовые процессы и действия: wie vergiftet etwas **tun**; wie ein Wilder **nageln**.

В качестве основания сравнения синонимичных швейцарски детерминированных фразеологизмов wie ein Dubel **krampfen** и wie ein Wilder **nageln** используются лексико-семантические гельвецизмы **krampfen** ('hart, aufreibend arbeiten') и **nageln** ('eifrig arbeiten').

— глаголы, обозначающие разнородные процессы, действия и состояния: von etwas **verstehen** wie (als) ein Gusti vom Geigen; jmdm. **verleiden** wie kaltes Kraut; wie ein Veloschlauch **klopfen**; zu etwas **gehören**, wie der Anken aufs Brot; jmdn. **ansehen**, wie die Störche ein neues Dach.

б) адъективные КФЕ

Семантическая принадлежность прилагательных, выступающих в качестве основания сравнения, позволяет выделить следующие группы фразеологизмов:

— прилагательные, характеризующие цвет и световые оттенки: **braun** wie ein Roß; **bleich** wie das Kätzli am Buch; **finster** wie in einer Kuh; **klar** wie GÜlle.

Ср.:... (er) lag am Strand, braun wie ein Roß. (M. Frisch, S. 416) [5]

Im Treppenhaus war es finster wie in einer Kuh. (B. Brechbühl, S. 10).

— прилагательные, характеризующие внутренние свойства и качества живых существ: **frech** wie eine Wanze; **grob** wie ein Seebub; **falscher** als Galgenholz; **alt** wie ein Zinshahn; **lecker** wie eine Geiß. Ср.: Seither hasse ich die Italiener, weil sie **frech** sind wie **Wanzen**, gerade deswegen. (H. Schneider, S. 137)

в) партиципиальные КФЕ

verdreht wie Hirschbirlholz; **gerüstet** wie der Mohren-Jogeli; **bepackt** wie ein Lastelefant des Hannibal selig; wie von einem Fitz **getroffen**;

г) субстантивные КФЕ

Специфически швейцарские субстантивные сравнительные конструкции характеризуются ограниченной семантикой, так как они используют в качестве основания сравнения существительные одной тематической группы, связанной с обозначением частей тела человека, что является проявлением антропоцентризма, например: **ein Kopf** härter als **Mösch**; **ein Maul** so groß wie Landepiste; **ein Gesicht** wie eine vertrapete Kröte.

Вместо общенемецкой лексемы **der Kopf** может использоваться локально ориентированное обозначение **der Grind** например, в КФЕ **ein Grind** wie ein verbranntes Negerdorf.

д) КФЕ — словосочетания

Самую многочисленную группу в составе швейцарской компаративной фразеологии образуют КФЕ, первыми компонентами которых являются словосочетания следующих структурных типов:

— S+V: **die Augen verdrehen**, wie eine glückliche Kuh; **den Kopf auf haben**, wie ein Kutscheroß; **den Grind auf haben**, wie ein Hund im Roggen; **die Nase rümpfen** wie beim Jassen; **einen Kopf haben** wie ein alter Muni; **Bauch haben** wie eine tragende Mützer;

— das (es) +sein: **das ist** wie verhedderter Zwirn; **das ist** wie ein rotes Tuch für einen bösen Muni; **es ist** wie das Bise-wetter; **es ist** jmdm. wie den Spatzen im Hanfsamen;

V₁+V₂: **alles** wie ein Huhn **liegen lassen**; jmdn. (sich) (nicht) **einnetzen lassen** wie eine feiße Sau; **etwas zu verlesen haben** wie dürre Birnen.

Таким образом, в качестве основания сравнения швейцарски детерминированных компаративных фразеологических единиц, как правило, используются общенемецкие высокочастотные лексемы разных лексико-грамматических групп и неоднородной стилистической окраски. Лишь немногие компоненты этого вида характеризуются односторонней (швейцарской) отмеченностью (*krampfen, nageln, Grind, einmetzen*).

Анализ вторых компонентов — квалификаторов сравнения — дает более богатый материал для выявления национального швейцарского своеобразия компаративной фразеологии.

Наиболее высокой частотностью в составе компаративных фразеологических гельвецизмов обладают квалификаторы сравнения, выраженные существительным или субстантивным словосочетанием. Именной компонент фразеологизма может иметь при себе элементы определительного, дополнительного или обстоятельственного характера.

В зависимости от семантической принадлежности существительные, выступающие в роли квалификатора сравнения, объединяются в следующие подгруппы:

а) существительные, обозначающие представителей животного и растительного мира: *jmdn. ansehen, wie die Störche ein neues Dach; es ist jmdm. wie den Spatzen im Hanfsamen; sich aufblasen wie ein Frosch im Mondschein; etwas zu verlesen haben wie dürre Birnen; jmdm. verleiden wie kaltes Kraut.*

Высокой активностью отличаются обозначения домашних и сельскохозяйственных животных и птиц, например: *finster wie in einer Kuh; mausern wie ein krankes Huhn; den Grind auf haben wie ein Hund im Roggen, die Augen verdrehen wie eine glückliche Kuh.*

Некоторые существительные этой семантической группы, определяющие образную мотивированность специфически швейцарских сравнительных оборотов, относятся к инвентарным или дистрибуционным межвариантным расхождениям лексических систем, например: *wie ein alter Muni (einen Kopf haben); drein schießen, wie ein Muni in ein Krieshaufen; Bauch wie eine tragende Mützer haben.*

Региональную отмеченность компаративного фразеологизма *bleich wie das Kätzli am Buch* обуславливает высоко-

продуктивная диалектно детерминированная словообразовательная модель с суффиксом -li.

Образный характер фразеологических гельвецизмов *braun wie ein Roß; lecker wie eine Geiß; den Kopf auf haben wie ein Kutscheroß; jmdm. verleiden wie kaltes Kraut* базируется на переосмыслении именных компонентов, употребление которых в качестве квалификаторов сравнения определяется региональными особенностями, связанными с их необычной стилистической интерпретацией. Обращает на себя внимание выражение *sich einmetzgen lassen wie eine feiße Sau*, в котором все три знаменательных компонента обнаруживают локальную ориентированность: общим для всех южнонемецких ареалов является использование глагола *einmetzgen*, диалектным (алеманнским) происхождением характеризуется прилагательное *feiß*, а существительное *die Sau* имеет в швейцарском узусе тенденцию к стилистически нейтральному и более широкому употреблению.

Ср.: *Erst jetzt, sagte er, ...wolle es machen, was ihm anständig sei. Es wolle sich nicht einmetzgen lassen, wie eine feiße Sau.* (J. Gotthelf, S. 254)

Специфически швейцарские элементы обнаруживаются также среди дополнительных компонентов, относящихся к существительным, квалификаторам сравнения, например: *ein Gesicht machen wie eine vertrampete Kröte* (*vertrampen* = *zertrampen, zertreten*); *drein schießen, wie ein Muni in ein Krieshaufen* (*Kries* — 'trockene Äste, Reisig von Nadelbäumen'); *wie ein rotes Tuch für ein böses Muni*.

б) существительные, обозначающие предметы и явления неживой природы: *etwas verdunstet wie Tau im Heuet; jmd. kommt, wie der Hagel in die Bohnen*. В одноструктурном компаративном фразеологическом гельвецизме используется в качестве обстоятельственного компонента локально (южнонемецки) отмеченная лексическая единица *der Haber* ('Hafer'): *jmd. kommt, wie der Hagel in den Haber*.

Участие национально ориентированных лексических компонентов, выполняющих функцию опорного слова фразеологизма, определяет швейцарское своеобразие следующих КФЕ: *klar wie Gülle* (*Gülle* = *Jauche, Pfütze*); *es ist wie Bise-wetter* (*Bisewetter* = *Nordostwind*). Ср.: *Denn — und dies war klar wie Gülle, meinte der kleine Reinhard, die Faden reichten weit...* (F. Glauser, S. 377)

в) существительные, обозначающие предметы и явления из жизни крестьян, предметы быта и трудовой деятельности: etwas ist wie verhedderter **Zwirn**; sich wie ein **Sack** umkehren; sich zusammenschicken wie **Mist** und **Mistkarren**; wie ein **Dubel** krampfen.

Межвариантные расхождения в инвентаре лексики лежат в основе компонентов, составляющих стержень образной мотивированности следующих сравнительных оборотов: wie ein **Rone** schlafen (der Rone — 'Stück eines Baumstammes oder -astes, das modernd herumliegt'); die Nase rümpfen wie beim **Jassen** (Jaß — nationales Kartenspiel); etwas wie einen **Batzen** geben (Batzen — Zehnrappenstück); das geht wie durch den **Anken** (Anken — 'Butter'); wie der **Anken** aufs Brot. Ср.: Zu einem Mord gehört ein Schuldiger, wie der **Anken** aufs **Brot** [6].

В некоторых случаях в роли квалификаторов сравнения выступают обозначения общеизвестных предметов и явлений действительности, которые подверглись в составе фразеологических гельвецизмов необычному для собственно немецкого стандарта образному переосмыслению, например: ein **Maul** wie eine **laufende Schuld** haben; wie ein **Ampelstock** da stehen; grob wie ein **Seebub**; falscher als **Galgenholz**.

Кроме своеобразной интерпретации, эти компоненты могут обнаруживать специфически швейцарские словообразовательные элементы, например: wie ein **Küchli** aufgehen; wie ein **Türlstock** da stehen; Augen wie **Flügsrädli** machen, или являться территориальными лексическими дублетами общенемецких лексем, например: einen **Kopf härter** als **Mö ch** haben (**Mösch** — 'Messing'); wie ein **Veloschlauch** klopfen (**Velo** — 'Fahrrad').

Используемые в качестве квалификаторов сравнения компоненты-антропонимы, выполняющие в данном случае функцию символизации, также обнаруживают диалектную (алеманнскую) окрашенность: von etwas verstehen als (wie) ein **Gusti** vom **Geigen** (**Gusti** — 'dummer Mensch, Kalb'); wie ein altes **Bäbi** schnattern (**Bäbi** — 'altes Weib').

Необычная образность лежит в основе сравнительного оборота jmd. ist gerüstet wie der **Mohren** — **Joggeli**, в котором роль квалификатора сравнения играет существительное, семантически обусловленное обычаем украшать колодцы в праздничные дни лентами и букетами цветов/ср.: «Mohren-Joggeli — die Mohren-bildsäuli an einer Brunnensäu-

le, die an Festtagen mit Bändern und Sträußen geschmückt wurde» [7].

Своеобразие этнического состава населения, а также большой приток иностранных рабочих из Италии и италоязычной части Швейцарии [8] определяет отрицательную коннотацию фразеологизма *wie der Tschingg (Italiener)* [9] *am Waldrand stehen*.

В качестве квалификатора сравнения фразеологического гельвецизма *wie vergiftet etwas tun* выступает причастие II, а второй компонент выражения *aussehen, als wäre einen die Gerste verhagelt* обнаруживает структуру ирреального придаточного предложения.

Небольшая группа швейцарски детерминированных компаративных конструкций имеет структуру сложноподчиненного предложения, которое состоит из глагольного компонента — основания сравнения и придаточного предложения, вводимого союзом *daß*, в функции квалификатора сравнения, например: *jmdn. überschlagen daß er mit den Beinen am Himmel hängen bleibt; so geschwind reden, daß man mit keinem Hämmerli dazwischen (schlagen) könne (könnte); etwas machen, daß es tätscht*.

Эти компаративные фразеологизмы различаются между собой как по степени распространенности придаточного предложения, так и по характеру составляющих их лексических компонентов. Базой образования этих сравнительных конструкций является литературный немецкий язык, однако в их оформлении могут участвовать также национально детерминированные компоненты, обнаруживающие словообразовательную (*Hämmerli*) или семантическую (*tätschen*) специфику.

Выявленные компаративные фразеологические гельвецизмы выполняют различные семантические и стилистические функции, которые принадлежат к универсальным свойствам компаративной фразеологии большинства языков:

а) функция экспрессивного усиления, на основании которой этот вид фразеологических единиц получил наименование «фразеологизмов-интенсификаторов» (А. В. Кунин, И. И. Чернышева), например: *alt wie ein Zinshahn; wie ein Dubel krampfen; frech wie eine Wanze;*

б) функция семантической дифференциации (спецификации), например: *jmdn. ansehen, wie die Störche ein neues*

Dach; jmd. schießt drein, wie ein Blinder ins Moos; es ist jmdm. wie den Spatzen im Hanfsamen;

в) функция косвенного отрицания (Funktion einer indirekten Verneinung [10]), например: von etwas verstehen wie (als) ein Gusti vom Geigen; jmdm. verleiden wie kaltes Kraut; sich zusammenschicken wie Mist und Mistkarren.

Итак, швейцарская компаративная фразеология представляет собой часть общенемецкого компаративного фразеологического фонда и обнаруживает с ним принципиальное сходство в структурном, семантическом и функциональном отношениях. Национальное своеобразие швейцарских компаративных фразеологизмов, образующих собственную микросистему, определяется межвариантными расхождениями в инвентаре лексических единиц, которые проявляются прежде всего в оформлении квалификатора сравнения, в самобытном характере образности и в особой ангажированности некоторых общенемецких лексем, подвергшихся необычной для собственно немецкого стандарта метафоризации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глазырин Р. А. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках (на материале немецкого, английского и шведского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1972. — С. 5.

2. Ср.: «Betrachtet man hingegen die Frequenz dieser Bildungen (der komparativen Phraseologismen), kann man ohne Übertreibung sagen, daß sie zu jenen gehören, von denen sehr viele Sprecher Gebrauch machen, was sich von anderen Arten der Phraseologismen nicht mit dieser Bestimmtheit behaupten läßt». (Schade W. Zu den komparativen Phraseologismen des Deutschen und Russischen.— In: Aktuelle Probleme der Phraseologie.— Leipzig, 1976.— S. 128.)

3. Малыгин В. Т. Компаративная фразеология австрийского национального варианта современного немецкого языка//Актуальные вопросы семантики и синтаксиса. — Л., 1977. — С. 113.

4. Ср.: Михайлов В. Я. Анализ компонентов компаративных фразеологизмов немецкого языка//Фразеология. — Ч. I. — Челябинск, 1973. — С. 166—175.

5. В работе использованы следующие произведения указанных швейцарских писателей: В. Brechtbühl. Kneuss. Zwei Wochen aus dem Leben eines Träumers und Querulanten von ihm selber geschrieben.— Hamburg; Frankfurt am Main, 1977; M. Frisch. Die Schwierigen oder J'adore ce qui me brule.— In: Gesammelte Werke. Bd. 1—2. Frankfurt am Main, 1976; F. Glauser. Die Fieberkurve.— In: Gesammelte Werke. Bd. 2. Zürich, 1969—1970; J. Gotthelf. Wie Uli der Knecht glücklich wird.— In: Gotthelfs Werke in zwei Bänden. Bd. 2. Berlin; Weimar, 1982; H. Schneider. Die

Schlummermutter.— In: Schweiz heute. Ein Lesebuch. 2. Auflage. Berlin, 1977.— S. 125—159.

⁶ Ruoss E. Friedrich Glauser. Erzählen als Selbstbegegnung und Wahrheitssuche.— Bern; Frankfurt am Main, 1979.— S. 109.

⁷ Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde.— München, 1922.— S. 30—31.

⁸ Schenker W. Die Schweiz, Land mit vielen Sprachen.— In: Literatur aus der Schweiz. Texte und Materialien.— Zürich; Frankfurt am Main, 1978.— S. 24.

⁹ Ср. „Der Ausdruck 'Tschinggen', vom itlienischen Wort cinque — fünf — kommend, ist eine in der Schweiz sehr oft gebrauchte, ziemlich abfällige Bezeichnung für Italiener» (Villain J. Die Schweiz — Paradies nach dem Sündenfall.— Leipzig, 1975. S. 73).

¹⁰ Schade W. Zu den komparativen Phraseologismen des Deutschen und Russischen.— S. 132.

Л. Ф. Бочкарева
(Владивосток)

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО GEMUND

Известно, что наиболее сложными для изучения являются слова, обозначающие нематериальный духовный мир, в особенности одно из сложнейших понятий — понятие мышления, умственной деятельности. Отличительным свойством этого слоя лексики многих языков, находящихся на ранних этапах своего исторического становления, была «размытость», «диффузность», «синкретичность», «недифференцированность» значений слов. Это проявлялось в способности существительного обозначать «целую область различных представлений как единое целое, без дифференциации, свойственной современному языковому сознанию» [1]. В каждом конкретном случае употребления слово выражает разные стороны единого понятия, что проявляется в разнообразных связях, широте сочетаемости. Количество контекстов употребления слова может быть практически неограниченным, а значение остается инвариантным.

Слова различных языков, связанных с обозначением умственной деятельности, отличало также качество, сформулированное А. Ф. Лосевым, который анализировал функционирование латинского существительного *mens*; «под этим латинским словом можно мыслить вообще любое психическое состояние, вообще любые умственные или аффективные процессы, вообще любые комбинации этих процессов и любые устойчивые их структуры» [2]. Общим во всех слу-

чаях является обозначение того или иного умственного состояния человека, а разнообразные значения появляются в многочисленных конкретных контекстах. В классическом греческом языке О. М. Савельева отмечает способность существительных со значением «ум — мысль — сердце — дух» передавать не только собственно интеллектуальные процессы, но и проявления чувств, характера и воли человека [3]. Это качество было присуще словам древнеисландского, древневерхненемецкого, древнеанглийского и других языков, которые одной лексемой обозначали умственные представления и образы, продукты мышления и проявления психической деятельности человека. Данное явление не получило четкого терминологического обозначения в лингвистике. В. Г. Гак называет подобные имена словами с недифференцированным значением. О. М. Савельева считает, что основной характеристикой значения данных слов является полисемантическая. Наиболее удачным представляется термин «слова широкой семантики». Значение слова широкой семантики, по определению Н. В. Феоктистовой, «характеризуется способностью покрывать широкую область представлений, объединяя одним обозначением то, что для современного сознания разнесено по разным классам представлений и соответственно получило отдельное языковое выражение» [4]. Исходной точкой возникновения слов широкой семантики на ранних этапах развития языков является, предположительно, относительно низкая степень развития абстрагирующей деятельности человеческого ума, в отличие от современных языков, в которых под широким значением слова понимается значение, содержащее максимальную степень обобщения.

В начале древнеанглийского периода существительное *gemynd* обозначало духовную и интеллектуальную сущность человека, которая в современных языках выражается различными лексемами (ум, разум, рассудок, память, напоминание). На этой стадии развития языка оно обладает всеми характеристиками, отличающими слова широкой семантики. Оно обозначает одно понятие, но настолько широкое, что в другие исторические эпохи и в других языках может охватывать ряд понятий, за каждым из которых закреплено отдельное языковое выражение. Структурная организация слова еще не сформировалась, слово не членится на лексико-семантические варианты. В каждой речевой ситуации

слово широкой семантики реализует только прямое значение.

В поэтических произведениях понимание существительного *gemynd* зависит только от смысла эпизода, но даже это допускает неоднозначное толкование и различный перевод на современные языки. Контекст не придает слову точного значения. В поэме «Елена» героиня спрашивает мудрецов, как случилось так, что *ge swa monigfeald on gemynd witon* (El. 644) — вы многочисленные события знаете в уме (памяти, мыслях, душе, сердце)? В данном примере правомочен любой из приведенных переводов. О героине другой поэмы, Юлиане, известно, что она не захотела выйти замуж за богатого, потому что *hire wæs godes egsa//mara in gemyndum* (Jul. 36) — страх перед богом был в ее уме (душе, сердце, мыслях) больше, чем все сокровища (которыми владел знатный человек). В одной из поэм делается вывод: *ræt is hælilig gæd//monna gehwylcum, pe gemynd hafar* (Cri. 431) — это — прекрасный совет для каждого человека, который имеет мудрость (разум, ум, рассудок). О герое поэмы «Даниэль» мы узнаем, что *his gast ahwearf in godes gemynd* (Dan. 630) — его дух обратился к размышлениям (мыслям) о боге.

Несмотря на то, что значение слова в каждом конкретном случае формулируется менее обобщенно, чем его широкое значение, анализ употребления слов в поэтических произведениях не позволил выделить основное значение и связанные с ним второстепенные значения. Отсутствие иерархической структуры значений, определенных лексических и синтаксических контекстов, в которых реализовались бы лексико-семантические варианты слова, дает возможность говорить о том, что в начале древнеанглийского периода существительное *gemynd* еще не было многозначным.

Косвенным подтверждением тому может служить тот факт, что в переводах латинских философских и богословских произведений, осуществление которых началось в IX веке, древнеанглийская лексема *gemynd* соотносилась с тремя латинскими существительными: *cor*, *memoria*, *monumentum*. В «Исходе» встречается такое высказывание: *Writ pis on bec to gemynde (lat. monumentum) and syle Iosue. Witodlice ic adelige Amaleches gemynd (lat. memoria) under heofone* (Gen. Pr. 143:14) — Напиши сие для памяти в книгу и внуши Иисусу, что я совершенно изглажу память Амаликитян

под небесами. В этом же произведении говорится о том, что нужно беречь свою душу, чтобы не забыть тех дел, которые видели глаза и чтобы не *simon eow pas word of gemunde* (lat. cor) *swa lange...* (Gen. Pr. 205:11) — не выходило это слово из сердца (ума, памяти, души) твоего, (пока ты живешь). В «Житиях святых» аббата Эльфрика *gemund* соотносится с латинским существительным *memoria*: *Hec is Memoria. pæt is gemund. þonne heo gemañd.* (Alf. 20:185) — Это *Memoria*, то есть память, когда она (т. е. душа) вспоминает. Широта значения *gemund* позволила переводчикам использовать его для перевода трех латинских слов.

На протяжении древнеанглийского периода, под влиянием латинского языка, который находился на более высокой ступени развития, внутренних законов развития языка, под воздействием социально-исторических причин начинается становление многозначности анализируемого слова. Этот процесс можно проследить на примере одного лексико-семантического варианта. В поэтических произведениях существовали немногочисленные случаи употребления *gemund* в дательном падеже с предлогом *to* и в сочетании с глаголами конкретной семантики. Значение существительного интерпретируется как «память, напоминание». В героическом эпосе «Беовульф» главный герой перед смертью повелевает своим дружинникам укрыть его прах в курган, который *seal to gemundum minnum leodum//heaþ hlifian* (B. 2804) — должен на память моему народу высоко лежать (чтобы с этих пор мореплаватели называли это место курганом Беовульфа). В этом же произведении говорится, что на сокровищах, которые охранял дракон, лежало проклятие, и их должны были сжечь во время похорон Беовульфа. Огонь должен был поглотить их, *nalles eorl wegan//maddum to gemundum* (B. 3016) — не будет эорл (т. е. Беовульф) носить сокровища как напоминание (о битве). В поэме «Мореплаватель» говорится о том, что будет с телом каждого человека после смерти. *Ðæt mæg æghwylcum//men to gemundum modsnotta* (Seaf. 128) для каждого умного человека это может быть напоминанием (мыслью). Неоднозначность интерпретации значения существительного в анализируемом контексте позволяет рассматривать контекст как средство формирования лексико-семантического варианта. В прозаических произведениях данный контекст из средства формирования превращается

в средство выявления лексико-семантического варианта. При употреблении существительного *gemynd* в дательном падеже с предлогами *in, on, to* в сочетании с глаголами, обозначающими конкретные действия — делать, выполнять, класть (*don, fremman, setton*), и дополнением в родительном падеже реализуется значение «память» в прозаических произведениях: *pis wæs gedon on min gemynde* (Bl. H. 69:20) — это было сделано в память обо мне. Условием реализации значения «память» также является глагол обладания *habban* и дополнение в родительном падеже: *hi habbaþ swiðe micle gemynde ... heora maga and heora freonda* (Sol. 95:25) — у них была очень большая память об их родственниках и друзьях.

Значение «память (о ком-либо)» реализуется обычно в сочетании с глаголом *mærsian* (праздновать, отмечать): *ond hire gemynd sceal beon mærsod on eallum ciercum* (Mart. 24:8) — память о ней будет праздноваться во всех церквях. В доступных нам древнеанглийских памятниках встречаются и другие условия реализации этого лексико-семантического варианта: при употреблении *gemynd* в винительном падеже. В «Англосаксонской хронике» говорится, что после того, как был убит король Эдвард, *Ða eorðlican banan woldon his gemynd on eorðan adilgian. Ac se uplica Wrecend hafað his gemynd on heofonum and on eorðan tobræd.* (Chr. 233:14) — земные убийцы хотели память о нем на земле стереть. Но верховный мститель распространил память о нем на небесах и на земле.

Среди других лексико-семантических вариантов можно выделить вариант со значением «помяновение», который встречается в формулообразном выражении: *on ðonne ... dæg mondes bið ... gemynd* (Mart. 52:16) — в ... день месяца — помяновение (какого-либо святого).

Одним из лексико-семантических вариантов становится вариант с широким значением, его конкретизация по-прежнему не зависит от условий. В «Утешении философией» дается совет тому, кто забыл о мудрости — *gecerge hine to his gemynde* (Bort. 156:15) — пусть прибегнет к помощи ума (памяти). Подтверждением двоякой интерпретации может до некоторой степени, служить то, что Дж. Босворт и Т. Толлер при переводе данного примера предлагают использовать слово со значением «память», а Р. К. Гордон переводит существительным со значением «ум». Перевод и понимание

существительного *gemynd* не зависят от словесного окружения в следующих примерах: *him wære ænig gemynd ðearfendra manna* (Bl. Н. 69:10) — у него были мысли (размышления) о немущих; *me halð þeos gnorgnung rære gemynde beþuten* (Boet. 5:3) — эта печаль лишила меня воспоминаний (памяти, ума, размышлений, мыслей).

Динамика развития существительного *gemynd* на протяжении древнеанглийского периода наглядно показывает процесс разложения широкого значения исследуемого слова и постепенное преобразование слова широкой семантики в многозначное. Многозначность данного существительного существенным образом отличается от многозначности современных слов. Существует мнение, что в языках, находящихся на разных этапах своего исторического развития, могут существовать различные типы полисемии в зависимости от общего уровня развития языка, его общей культуры, своеобразия письменной традиции и ряда других особенностей. Р. А. Будагов считает, что полисемия современных языков качественно отличается от полисемии древних языков, что она является шагом вперед, «ибо она свидетельствует, как отражаются в лексике результаты абстрагирующих завоеваний человеческого разума и человеческого воображения» [5].

С точки зрения современной лингвистики многозначное слово — это совокупность различных лексико-семантических вариантов, в основе которых лежат различные понятия. Значения полисемантического слова располагаются в нерархическом порядке. Полисемия опирается на основное значение, второстепенные значения объединяются в семантическое единство «благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность) [6]. Количество лексико-семантических вариантов ограничено, хотя и может быть довольно большим. Средством формирования, а впоследствии и выявления нового значения слова является контекст. Употребление многозначного существительного «исключает все его лексические значения, кроме одного, действующего в данный момент» [7].

В отличие от современных полисемантических слов многозначное существительное *gemynd* древнеанглийского языка не обладало четкой семантической структурой, в нем не выделялись основное и второстепенные значения. Появление

лексико-семантических вариантов не являлось результатом ассоциаций по сходству, смежности или по контрасту. Ситуация и контекст не всегда снимают многозначность. Один из лексико-семантических вариантов существительного *gemund* до конца древнеанглийского периода сохранял широкое значение. Кроме того, следует помнить, что, несмотря на выделение лексико-семантических вариантов, «значения, совмещенные в одном древнем слове, не были так расчленены, как обычно расчленены значения, совмещенные в одном слове в современном языке» [8].

Наблюдения за употреблением слова *gemund* в различных контекстах в поэтических и прозаических произведениях дало нам возможность продемонстрировать нетипичный случай формирования многозначности, которая «складывалась не в результате переносов по сходству или смежности, вторичных наименований, а в результате расщепления единого в прошлом смыслового целого» [9].

Наряду с интралингвистическими причинами на становление многозначности анализируемого слова оказали влияние экстралингвистические факторы. Важнейшим из них является изменение обозначаемого словом понятия. «Историческое развитие значений отражает все более и более полное познание человеческим мышлением окружающего мира и тех объективных связей, которые в нем существуют» [10].

Рассмотренный в статье способ формирования многозначности не характерен для современных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Феокистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — С. 57.

2. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 75.

3. Савельева О. М. О взаимосвязи мышления и личности в интерпретации греческих лирических поэтов VII—VI вв. до н. э. // Разыскания (*Dzetemata*). — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 48.

4. Феокистова Н. В. О различных типах полисемии на разных этапах развития языка // Вестник ЛГУ. Сер. истор., язык., лит.-ра, — Л., Изд-во ЛГУ, 1983. — Вып. I — С. 75.

5. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? — М.: Наука, 1977. — С. 42.

6. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). — М.: Наука, 1973. — С. 86—87.

7. Амосова Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова//Вестник ЛГУ. Сер. истор., язык., лит-ра.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.— Вып. I.—С. 162.

8. Стеблин-Каменский М. И. Миф.—Л.: Наука, 1976.—С. 92.

9. Феоктистова Н. В. О различных типах полисемии на разных этапах развития языка//Вестник ЛГУ. Сер. истор., язык., лит-ра.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.—Вып. I.—С. 80.

10. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка.—М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959.—С. 6.

Источники и принятые сокращения

B.—Beowulf; Cri.—Christ; Dan.—Daniel; El.—Elene; Jul.—Juliana; Seaf.—Seafahrer.—In: Grein C. W. M. Bibliothek der Angelsächsischen Poesie.—Bd. I—IV.—Göttingen, 1857—1864.

Alf.—Alfric's life of saints.—Ed. by H. Sweet.—Vol. I—IV.—London, 1885.

Bl.H.—The Blickling homilies of the tenth century.—Ed. by R. Morris.—London, 1880.

Boet.—King Alfred's West-Saxon Version of Boethius de Consolatione Philosophiae.—London, 1901.

Chr.—The Anglo-Saxon Chronicle.—Ed. by B. Thorpe.—London, 1861.

Gen. Pr.—Genesis.—In: Bibliothek der angelsächsischen Prosa.—Kassel, 1872.

Mart.—An Old English Martyrology.—Cambridge, 1900.

Sol.—King Alfred's version of St. Augustine's «Soliloquies».—Cambridge, 1969.

В. А. Разумовская
(Красноярск)

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ МАРКЕРЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Обращение к языку как важнейшему средству человеческого общения неизбежно приводит лингвистов к проблеме исследования отражения в языке не только логических категорий, но и категорий чувственного порядка. Отмечая неразрывное единство чувственного и логического в языке, Ш. Балли писал: «Мы никогда не говорим и не думаем абсолютно рассудочно... В языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффективных значений. Их разделение — это всего лишь необходимая абстракция» [1]. Существование в языке двух планов — логического и не логического, предполагает установление и исследование языковых средств, обслуживающих связанные с данными планами типы языковой информа-

ции — предметно-логический, сообщающий о предметах и явлениях объективной действительности, и непредметный (экспрессивный), призванный передавать субъективные впечатления об обозначенных предметах и явлениях, отношение к ним субъекта речи.

Начало изучению экспрессивных явлений языка было положено еще в древних риториках и поэтиках, в рамках которых исследование вопроса носило фрагментарный характер, что не позволяет говорить о существовании в то время какой-либо теории экспрессивности. Впервые вопросы экспрессивности стали ставиться в теоретическом плане в начале XX века. Однако до настоящего времени в лингвистике не существует единого понимания явлений экспрессивности.

Недостаточная изученность явления экспрессивности, а также отсутствие единства взглядов на сущность данного явления обусловлены различными причинами. Основной причиной теоретического разнообразия в понимании экспрессивных явлений выступают различия в философских основах существующих лингвистических направлений. Другой, не менее важной причиной являются различия, обнаруживаемые между языками мира. Так, в ряде языковых семей экспрессивная лексика формирует самостоятельные лексико-грамматические категории наряду с такими общепризнанными категориями, как существительные и глаголы [2]. Большинство языков мира не обладает специфическими лексико-грамматическими категориями экспрессивных единиц, что, однако, не свидетельствует об отсутствии у таких языков способности осуществлять экспрессивную функцию. Причиной отсутствия единого взгляда на сущность явления экспрессивности может являться и междисциплинарная природа данного явления.

В настоящее время в лингвистике существуют две противоположные точки зрения на сущность явления экспрессивности. Так, выдвинутый еще в русле эстетического идеализма тезис о крайне индивидуальном характере экспрессивных явлений находит последователей и на современном этапе развития лингвистической науки, что прослеживается на примере концепции современной американской исследовательницы Б. Грей, относящей экспрессивные явления к уровню паралингвистики [3]. С концепцией Б. Грей в значительной степени перекликается концепция Дж. Бенсона,

который также рассматривает значительную часть экспрессивных явлений как явления паралингвистические. Дж. Бенсон отмечает, что отсутствуют специальные лингвистические правила, способствующие действию экспрессивной функции [4].

Значительный вклад в изучение явлений экспрессивности внес Ш. Балли, выдвинувший тезис о системности экспрессивных фактов — «... выразительные средства взаимно обуславливают друг друга: благодаря взаимосвязи и взаимопроникновению они составляют не просто арифметическую сумму, а систему» [5].

Творческое развитие идей Ш. Балли позволило достичь определенных положительных результатов. Важность и актуальность системного подхода к различным лингвистическим явлениям определили в свою очередь увеличение интереса к такой общелингвистической категории, какой является экспрессивность. Результатом объективизации категории экспрессивности на уровне лексики выступают экспрессивные лексические единицы, осуществляющие экспрессивную функцию языка. Такие лексические единицы передают информацию, предполагающую выражение: эмоциональной реакции субъекта речи; оценивания явления действительности в рамках шкалы «хорошо» — «плохо»; образного сопоставления номинируемого явления с другими явлениями объективной действительности; определения степени количественного проявления характеристик номинируемого явления.

Исследователи экспрессивных фактов языка неизбежно сталкиваются с проблемой выявления маркеров экспрессивности. Значительный интерес для исследования представляют лексические единицы, обладающие эксплицитными маркерами экспрессивности. К таким маркерам в первую очередь следует отнести экспрессивную лексику, мотивированную морфологически. Морфологическая мотивировка глагольных единиц с ядерными семами (eat) и (drink) является результатом таких словообразовательных процессов, как основослоложение, словослияние, сокращение и аффиксация.

Экспрессивная нагруженность аффиксальных глаголов передается как корневой, так и аффиксальной морфемами. У глаголов, в отличие от существительных [6], практически отсутствуют аффиксальные способы выражения экспрессивности [7]. В нашем материале к аффиксальным способам

выражения экспрессивности относятся префиксы *over-* и *out-* [8], обнаруживаемые в структурах следующих лексических единиц: *overeat* — *to eat too much, more than is for one*; *to overfeet* — *to eat to excess*; *to overdrink* — *to drink to excess*. В данных глаголах префикс *over-* имеет количественно-оценочное значение [9], за счет чего глаголы способны передавать информацию как о значительном, чрезмерном количестве потребляемой пищи или напитков, так и о негативной оценке номинируемых действий, возникающей на основе понятия «чрезмерность», что является отклонением от общепринятой нормы. У глаголов *overday* — *to surfeit*, *overgorge* — *to surfeit* префикс *over-* дублирует интенсивную и оценочную экспрессивность основ *clou*, *gorge*, функционирующих как самостоятельные глаголы. В данном случае наблюдается своеобразная «внутрисловная» итеративность.

Сходным количественно-оценочным значением обладает и префикс *out-*, представленный единственным примером: *to outdrink* — *to drink more than all*. Д. Н. Шмелев считает, что суффицированные глаголы превращаются в экспрессивные элементы только благодаря сочетанию с соответствующими приставками [10].

Экспрессивность морфологически мотивированной лексики может достигаться и за счет экспрессивных возможностей основы: *to gluttonize* — *to eat greedily and too much*; *to gormandize* — *to eat hastily, voraciously*. В таких глаголах идея «чрезмерности» содержится в корневой морфеме. К экспрессивным морфологически оформленным единицам относятся также глаголы, в которых нестандартная основа оформлена стандартным суффиксом: *to boozify* — *to drink liquor intemperately* (ex v. *to booze*); *to nobblerise* — *to drink frequent nobblers*; (ex n. *nobbler*); *to swiggle* — *to drink liquor* (ex v. *to swigg*). Экспрессивность может достигаться и при использовании в качестве основы существительного, номинирующего алкогольный напиток: *to alcoholize* — *to drink liquor intemperately*; *to liquity* — *to drink liquor*.

Путем сокращения образовано два глагола: *to gob* — *to eat greedily, hurriedly, noisily*; *to gorm* — *to eat voraciously*. Данные глаголы являются сокращениями глаголов *gobble*, *gormandize*, полностью сохраняя при этом предметно-логическую информацию, заключенную в полных глаголах. Различия между полными и сокращенными глаголами

содержатся в плане функционально-стилевой прикрепленности (сокращения являются нестандартными единицами) и в плане экспрессивной нагруженности. Сохраняя предметно-логическую нагруженность, глаголы-сокращения приобретают определенную функционально-разговорную окраску, являющуюся неотъемлемой принадлежностью сокращенных слов [11].

Две глагольные единицы с ядерной семьей (eat) и четыре глагольные единицы с ядерной семьей (drink) образованы путем словослияния. Так, глагол snibble образован слиянием глаголов sniff— to draw air и nibble— to eat mincingly. Предметно-логическая нагруженность глагола-слитка snibble идентична семантике второго элемента nibble. Идентичность предметно-логической информации позволяет сделать вывод и об одинаковой образной экспрессивности глаголов snibble и nibble, являющейся результатом метафорического смещения. В определении экспрессивности глагола snibble, видимо, следует учитывать и экспрессивные особенности глагола sniff: первичную образность (экспрессивные выражения действий рта и носа), эксплицируемую начальным сегментом sn- [12], и эмоциональность (неудовлетворение, презрение), наиболее отчетливо представленную в переносном значении глагола sniff— to draw up air audibly through nose as expression of contempt.

К словам-слиткам относится также глагол swizzle— to drink liquor often, habitually, excessively, образованный слиянием глаголов swig— to drink very much in large draughts и guzzle— to drink greedily, plentifully. Формальная и содержательная контаминация глаголов swig и guzzle обуславливает как предметно-логическое содержание нового глагола swizzle, так и его экспрессивность, представленную интенсивностью (усиление количественного признака), негативной оценочностью и образностью (яркие артикуляторные характеристики фонемокомплексов swig и guzzle сохраняются и в фонемокомплексе производного глагола).

Образование слов-слитков может происходить в результате стяжения не двух слов, а целых словосочетаний, оформленных синтаксической связью. Так, глагол gnosh— to eat возник в результате стяжения в одно слово словосочетания to gnosh one's teeth on; глагол wattle to drink liquor образован стяжением вопроса What'll you have («Что будете пить?»); глагол bottoms-up— to empty the glass возник

в результате стяжения застойного призыва *Bottoms up!* («Пей до дна!»); глагольная единица *hob-nob — to drink together* есть результат стяжения фразы *to have and have not*.

Экспрессивность рассмотренных глаголов достигается за счет семантического стяжения, являющегося прямым следствием стяжения форм слов в результате словообразовательного процесса. Словослияние сигнализирует об определенном сложении смысла слов, участвующих в образовании нового слова. Семантическое сжатие обнаруживается в информативной насыщенности производного глагола, который не только номинирует действие принятия пищи и питья, но и сообщает о данном действии информацию экспрессивного глана.

Рассматривая сокращения и слова-слитки в современном английском языке, И. В. Арнольд отмечает, что функционально-стилистическая принадлежность такого рода лексических единиц (особенно многочисленны они в нестандартных слоях лексики) тесно связана с их эмоциональной нагруженностью [13]. Наш материал показывает, что сокращения и слова-слитки могут обладать и такими экспрессивными характеристиками как образность, оценочность и интенсивность.

Как предметно-логическая, так и экспрессивная информативная насыщенность глагольной единицы может достигаться в результате основосложения. Примеры сложных глаголов в анализируемом материале немногочисленны, что отвечает общей тенденции английского языка к моносиллабизму. Тем больший интерес для исследователя представляют глаголы, образованные по принципу основосложения.

Сложные глаголы образуются в результате таких словообразовательных процессов как конверсия, обратная деривация и собственно основосложение. По конверсии образовано два глагола: *pose-bag* и *belly-cheer*. Исходным в образовании глагола *pose-bag* послужило сложное существительное *pose-bag*, обозначающее специальный холщевый мешок, надеваемый на морду лошади для кормления и наполненный фуражом. На основе симпликативной связи в семантической структуре существительного *pose-bag* возникло переносное значение *a bag holding food for a man* (пакет с пищей), имплицитующее в свою очередь значение *food, eaten by a man for a lunch at his work* (завтрак, который рабочий берет на работу). Метафорическая образность глагола

pose-bad сохраняется и в семантике производного глагола, являясь при этом основанием для иронической, шутливой окрашенности глагола pose-bag.

Глагол belly-cheer — to feast heartily or luxuriously образован по конверсии от сложного существительного belly-cheer-food, gratification at the belly, обладающего положительной эмоционально-оценочной экспрессивностью, на что указывает метаязыковая единица gratification (удовлетворение, наслаждение).

Путем обратной деривации в языке возник сложный глагол back-hand to drink more than one's share. Обратная деривация происходила за счет вычитания суффикса —er из структуры существительного back-hander — a glass of wine. Сложные глаголы, образованные по конверсии и реверсии (обратной деривации), Т. М. Беляева определяет как оценочно-сложные глаголы, что позволяет отразить как структуру, так и способ образования глаголов и отграничить их от собственно сложных глаголов [14]. У Г. Марчанда отыменно-сложные глаголы обозначены термином pseudo-compound verbs (псевдосложные глаголы). Отмечая значительный рост псевдосложных глаголов в современном английском языке и особенно в нестандартном слое лексики, Г. Марчанд подчеркивает способность псевдосложных глаголов передавать различные эмоциональные оттенки [15]. Сходные выводы об экспрессивных возможностях нестандартных глаголов делает и Л. Судек [16].

Сложные глаголы, образованные путем основосложения, встречаются в языке крайне редко. Интересно в данном случае мнение Л. Блумфилда о том, что в английском языке появляются и функционируют такие сложные существительные, как meat-eater; но практически отсутствуют сложные глаголы типа meat-eat [17]. Однако данные последних исследований в области глагольного словосложения и, в частности, работы Г. Н. Шевченко убедительно показали, что за последние два десятилетия в английском языке появилось значительное количество морфологически сложных глаголов, созданных путем сложения основ (baby-mind; phone-sit и др.). Г. Н. Шевченко подчеркивает сильную экспрессивную нагруженность глаголов данного типа [18]. В исследуемом материале данный тип представлен глаголом chain-drink, образованным путем сложения субстантивной (chain)

и вербальной (drink) основ и имеющим значение to drink a beverage continuously, draining one glass and immediately refilling it.

К сложным глаголам примыкают редупликативные глагольные образования, восходящие к парным сочетаниям. Компоненты редупликативных глаголов могут иметь звукоизобразительную природу: chow-chow — to eat, glut-glut — to drink. Возможно дублирование и не-звукоизобразительной основы — drinky-drink — to drink. Особенности фонетической и словообразовательной структуры редупликативов находят отражение и в особенностях их лексического значения, заключающихся в том, что соотношение предметно-логических и экспрессивных компонентов складывается в пользу преобладания последних [19]. Особая фонеморфологическая форма редупликатов эксплицирует экспрессивную нагруженность такого рода слов и может считаться формальным критерием экспрессивной лексики.

Таким образом, низкий удельный вес морфологически мотивированных глаголов (6,9% в ЛСГ to eat и 7,2% в ЛСГ to drink) и высокие экспрессивные возможности таких лексических единиц свидетельствуют о нехарактерности эксплицитных способов выражения экспрессивной семантики у глаголов. Однако даже при низкой частотности встречаемости морфологические маркеры экспрессивности обнаруживают определенную системность, выступающую частным случаем проявления общей системности экспрессивных средств языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — С. 23.

2. См.: Сагг D. Homorganicity in Malay/Indonesian expressives and quasi-expressives. — In: Language, 1966, vol. 42, № 2, pp. 370—377; Diffloth G. Expressives in Semai. — In: Oceanic linguistic special publications, № 3, Austroasiatic studies, pt. 1, Honolulu, 1976, pp. 249—265.

3. См.: Грау В. Style: The problem and its solution. — The Hague — Paris: Mouton, 1969.

4. См.: Бенсон J. Emotion and expression. — In: Philosophical Review, № 76, 1967, pp. 335—358.

5. Балли Ш., *op. cit.* С. 39.

6. См.: Шаховский В. И. Некоторые способы выражения эмоционально-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1969.

7. См.: Миллер А. А. Основные пути формирования слэнга. —

Иностранные языки, № 6. — Алма-Ата, 1971; Судзиловский Г. А. К вопросу о слэнге в английской военной лексике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: 1954.

8. Как известно, глаголы с формантами over- и out- могут рассматриваться как сложные глаголы (Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation.— Wiesbaden, 1960) или как префиксальные глаголы (Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. — М.: Высшая школа, 1979. — С. 84—85). В данной работе разделяется точка зрения отечественных лингвистов.

9. См.: Беляева Т. М., *op. cit.* с. 85—86.

10. См.: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973.

11. См.: Балли Ш., *op. cit.*, с. 323; Stankiewicz E. Problems of emotive language.— In: Approaches to semiotics: The Hague: Mouton, 1964, p. 254—255.

12. См.: Marchand H., *op. cit.*; Королев И. Т. Глаголы с конкретно-экспрессивными маркерами в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1978.

13. См.: Arnold I. V. The English word.— Moscow — Leningrad: Просвещение, 1966, p. 11.

14. См.: Беляева Т. М., *op. cit.*, с. 17.

15. Marchand H., *op. cit.*, p. 64.

16. Soudek L. Structure of substandard words in British and American English.— Bratislava: Slovenska'akad., *vi*ed, 1967.

17. См.: Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968, с. 250.

18. Шевченко Г. Н. Некоторые замечания о глагольном осново-
сложении в современном английском языке//Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. IV. — Владивосток: Изд-во ДГУ, 1977. — С. 164.

19. См.: Петрова Л. И. Редупликация в английской словообразовательной системе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: 1978. — С. 13.

М. Ю. Рябова
(Кемерово)

СЕМИОТИЧНОСТЬ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Особенность современного этапа развития науки о языке заключается в том, что связь базовых функций языка с его семиологическим характером не вызывает сомнений. К базовым функциям обычно относят номинацию, предикацию и локацию. Каждая базовая функция определяет функционирование отдельных единиц языка, которые образуют свой специфический аппарат выражения или определенную

структуру. Цель данной статьи — исследовать первичный формальный аппарат локации как функции, лежащей в основе самовыражения говорящего в знаках языка. При этом под локацией здесь понимается коммуникативно-прагматическая категория, которая устанавливает место, время и субъект речевого акта [1].

1. Способы языкового означивания и понятие временного переключения

Речевой акт или элементарный речевой поступок чаще всего соотносится с предложением, которое можно рассматривать как информационный след речевого акта, а последовательность речевых актов может соотноситься с текстом [2]. В структуре текста как семантической единице отчетливо выделяются два подуровня: процесс означивания и продукт этого процесса. Представляется, что процесс означивания соответствует процессу непосредственного речевого акта и образует уровень, который можно определить как дискурс текста. Соответственно, продукт непосредственного речевого акта формирует уровень высказывания-результата, который будет называться наррацией текста или его нарративной программой. При этом под наррацией текста здесь понимается определенная система последовательностей синтаксических единиц, образующих синтаксическую структуру предложения как форму реализации конкретного речевого акта высказывания.

Одним из прагматических условий порождения текста является процесс преобразования конкретного акта высказывания на уровне дискурса текста как некоторого синкретизма — «я», «здесь», «сейчас» — в высказывание-результат, в котором выделяются актанты, пространство и время наррации. Операция преобразования дискурса в нарративную программу представляет собой процесс переключения. Вслед за А. Ж. Греймасом и Ж. Курте [3] процесс переключения трактуется как операция, когда с целью манифестации конкретного речевого акта из него вычленяются и проецируются вовне некоторые члены, связанные с его базовой структурой, чтобы установить таким образом основополагающие элементы высказывания-дискурса как результата. Отсюда следует, что одним из конституирующих аспектов творческого акта речи является механизм переключения или локации.

Переключение осуществляется обычно одновременно в форме актантного, пространственного и временного переключения. Механизм временного переключения (в дальнейшем — ВП) заключается в постулировании момента «сейчас» высказывания-результата, отличного от времени протекающего акта речи. В результате ВП устанавливается посредством пресуппозиции время «сейчас» акта высказывания и конституируется «объективное» время на основе точки отсчета, которую можно определить как время «тогда» [4].

ВП в тексте может осуществляться, на наш взгляд, по-разному в зависимости от общего характера семиозиса в языке. Признавая справедливым положение о преимущественно символическом характере языка [5], мы исходим из того, что каждое высказывание (предложение), будучи символом по определению, может представлять собой либо иконический знак, либо индекс. Необходимо напомнить, что действие иконического знака основано на фактическом подобии означаемого и означающего, а действие индекса — на фактической, реально существующей смежности означаемого и означающего. Согласно Ч. Пирсу [6], порядок значимых элементов в предложении зачастую имеет явно выраженный иконический характер. По-видимому, можно предположить, что временной порядок речевых форм чаще всего имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка следования описываемых событий во времени согласно доминации иконического характера знакообозначения. Так, например, иконический способ означивания прослеживается в следующем предложении, ср.: *She parked the car by the side of the road, got out and went over...* (Christie, 54), где последовательность глаголов отражает реальную хронологическую последовательность описываемых ими событий.

Если допустить, что при символическом характере предложения возможны два способа знакообозначения — индекс или иконический знак, то механизм ВП будет определяться в зависимости от конкретного способа означивания.

2. Иконическое означивание.

Нам представляется, что иконический характер функционирования языкового знака заключается в том, что нарративная программа высказывания-результата зеркально

отражает процесс формирования акта высказывания по схеме: «я», «здесь», «сейчас».

2.1. Языковая актуализация.

Формой актуализации иконического означивания можно считать так называемое перформативное высказывание типа: I swear it's the truth (Maugham, 57). До сих пор при изучении явления перформативности в лингвистике делался акцент на анализе и описании «канонических» форм перформативов [7], т. е. таких глаголов, которые обозначают совпадение слова и действия, только будучи употребленными в форме первого лица настоящего времени, индикатива, актива. При этом признавалось, что возможны и другие типы перформативных высказываний, или так называемых «языковых проявлений перформативов», отличающихся по каким-либо морфологическим, словообразовательным, синтаксическим и другим параметрам от «канонических», которые можно задать списком и зафиксировать в словаре, так как «предсказать их наличие у конкретного глагола из общих соображений нельзя» [8]. Обобщить и подвести под единый знаменатель различные проявления перформативных глаголов позволяет, на наш взгляд, концепция переключения — актантного, временного или пространственного.

2.2. Переключение.

Актом ВП при иконическом характере знакообозначения будет перенесение мгновенного времени «сейчас» перформативного высказывания за рамки высказывания-результата и постулирование в последнем времени «тогда», которое может быть вписано в нарративную программу как пересказанное время акта высказывания. Так, примерами ВП можно считать все типы перформативных высказываний, содержащих глагол не в форме настоящего времени, индикатива, актива, а в других видо-временных формах, ср.: If you'll excuse my saying so, newspaper writers are the most gullible people afloat (Haily, 54); Oh, no sir, He won't steal, I'll answer for that, the mother hastened to assure him (Ostrovsky, 31). Прагматическим условием ВП в перформативных высказываниях является, как правило, различие в степени вежливости или этикетности: условное наклонение — одна из наиболее вежливых форм высказывания, а, например, форма будущего времени — наиболее категоричная и жесткая форма перформативного употребления. При этом, как справедливо заметил Ю. Д. Апресян [9],

перформативы описывают единичную, реальную ситуацию, размещенную строго в настоящем. Однако при помощи механизма ВП временной центр перформативного высказывания может условно сдвигаться с мгновенного времени «сейчас» как нулевой точки отсчета в сторону со знаком «+» по линейной оси времени, как бы раздвигая временные рамки речевого акта и акцентируя тем самым процессуально-длительный компонент дискурса, в ходе которого осуществляется определенное действие. Это делает возможным функционирование форм продолженного вида в перформативных высказываниях, ср.: *All the same, I'm warning you: stay out of sight, or better get out of town 'till the man cools* (Hailey, 125).

Иконический характер знакообозначения перформативных высказываний может сопровождаться помимо ВП и другими актами переключения — либо актантными, либо пространственными. Так, в результате актантного переключения перформативный глагол функционирует с субъектом речи «не-я», а пространственное переключение порождает такие перформативные высказывания, в которых пространство «здесь» вписано как пересказанное пространство акта высказывания.

3. Индексальное означивание.

При индексальном характере знакообозначения обязательно наличие ссылки на данное сообщение, т. е. на время «сейчас». Ссылка на момент речи может быть актуализована двумя способами: грамматически, т. е. содержаться в значениях грамматических временных форм глаголов, и лексически, т. е. фиксироваться в значениях словарных лексем.

3.1. Языковая актуализация.

В рамках индексального означивания грамматическая категория глагольного времени может описывать сообщаемый факт как минимум в трех позициях.

1) Время, предшествующее моменту речи «ссейчас», ср.: *I'd love to come again, I've seen it three times already* (Maugham, 175); *Tom went to Eastbourn with his family* (Maugham, 20).

2) Время, не предшествующее моменту речи «сейчас», ср.:

I always design the sets myself (Maugham, 17); I shall be available any time that you want me (Maugham, 29).

3) Время, совпадающее с моментом речи, ср.: What's that young man doing there? (Maugham, 13).

При этом механизм актуализации осуществляется — в первой позиции с помощью всех форм прошедшего времени общего и продолжительного вида и форм перфекта настоящего времени; во второй позиции с помощью форм настоящего времени общего вида в сообщениях о действиях и состояниях, проявляющихся постоянно, без ограничения во времени, и истинных всегда, в том числе и для момента речи, и с помощью форм будущего времени общего вида, обозначающих действие, которое произойдет после момента речи; в третьей позиции с помощью форм настоящего времени продолженного вида.

Лексически временной ориентир по отношению к моменту речи сообщаемого факта может быть указан специальной темпоральной лексикой, например, словами, называющими дни недели, сезоны, месяцы, конкретные хронологические даты, ср.: Monday, today, in 1986, etc.

3.2. *Переключение.*

Операция ВП при индексальном знакообозначении, по нашему мнению, состоит в том, что мгновенное время акта речи выводится за рамки высказывания-результата и сообщаемый факт характеризуется только относительно времени «тогда» другого сообщаемого факта и безотносительно к самому факту сообщения. Если в качестве точки отсчета взять время «тогда», то нарративная программа локализует события следующим образом: а) как предшествующие моменту времени «тогда», б) как следующие за моментом времени «тогда», в) как одновременные с моментом «тогда». Каждое из указанных таксических отношений может манифестироваться как грамматическими, так и лексическими средствами.

3.2.1. *Предшествование.* Смысловые отношения предшествования как результат индексального ВП актуализируются при помощи грамматической формы Past Perfect, которая призвана обозначать действие в периоде, предшествовавшем какому-то моменту в прошлом, или моменту времени «тогда». Таким образом, форма Past Perfect устанавливает как бы второй временной план — план предпрошедшего, ср.: After Paula's death he married for the second time (Maugham, 235). Лексическими средствами актуализации могут

быть специальные лексические единицы, содержащие указание на момент «тогда», например: *earlier, before, former*. Кроме того, отношение предшествования может быть выражено и морфологически, определенными префиксами, ср.: *prehistoric*.

3.2.2. *Следование*. Данное отношение актуализируется как лексическими, так и грамматическими способами. К лексическим средствам относятся, например, такие лексемы со значением следования, как: *after, following, final, late, later, to follow, to ensure, to foresee*. Грамматическим средством актуализации можно считать форму глагольного времени *Future Perfect*, которая <по определению> выражает действие, которое совершится после момента речи, но ранее некоторого момента в будущем, ср.: *They will have finished their work by the next year* (Quirk, 475). Идея следования может быть выражена и семантико-синтаксически [10] с помощью комбинаций значений глагольных лексем, ср.: *to sleep — to wake up, to sit — to stand*.

Представляется, что порядок следования глагольных лексем в тексте отражает реальный хронологический порядок следования событий в объективном мире и находится в соответствии с общим иконическим характером знакообозначения, который благодаря операции ВП подкрепляется действием индексального принципа означивания. Действуя совокупно, иконический знак и символ и создают динамику символического означивания в языке, которая отражается в определенной закреплённости следования лексем в высказывании. Кроме перечисленных средств, идею предшествования могут выражать сложноподчиненные предложения с придаточными и простые предложения с обстоятельствами причины, условия, следствия, времени.

3.2.3. *Одновременность*. К лексическим средствам, выражающим идею одновременности, можно отнести, например, прилагательные *contemporary, simultaneous*, временные наречия, предлоги *while, on, when, since*. Специальными синтаксическими конструкциями, указывающими на отношение одновременности, можно считать предложения с обстоятельствами или придаточными образа действия, сопутствующих условий, описательными обстоятельствами и др.

Кроме указанных выше способов актуализации ВП на уровне индексального знакообозначения в качестве главного специализированного средства временной локализации

событий, в нарративной программе следует признать грамматическую форму сложного предложения, или гипотаксис. Локализация событий во времени может обеспечиваться и парасинтаксической формой связи, т. е. в рамках сложносочиненного предложения или последовательности отдельных простых предложений в тексте, ср.:

The telephone rang and she went off to answer. She returned with a beaming face (Christie, 38).

Заключая вышензложенное, можно констатировать, что механизм ВП действует в соответствии с общим характером знакообозначения в языке, ориентируясь либо на его индексальный, либо иконический характер, и, определяя, таким образом, динамику всего текста на уровне его нарративной программы. Механизм ВП, создавая двойную систему временной референции — время «сейчас», которое всегда presupпонируется в наррации, и всемя «тогда», — образует временную локализацию событий в тексте и отражает способ восприятия мира человеком, который осознает мир, как известно, в виде ситуаций и фактов в их взаимосвязи. Семиотический подход к интерпретации категории вида и времени дает, на наш взгляд, возможность представить в целом видо-временную систему языка как функцию того или иного способа знакообозначения, которая устанавливает соответствие, в силу которого каждому элементу «х» (конкретная грамматическая форма глагола) некоторого множества «Х» (система видо-временных форм) отвечает единственный элемент «у» (конкретный способ означивания) некоторого вида множества «У» (семиотический процесс языка в целом).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сергеева И. В. Лингвистическая сущность предикации//Прагматика и семантика синтаксических единиц.— Калинин, 1984.— С. 31.
2. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы//Прагматика и семантика синтаксических единиц.— Калинин, 1984.— С. 12.
3. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка//Семиотика.— М., 1983.— С. 506.
4. Греймас А. Ж., Курте Ж. Указ. соч.— С. 509.
5. Якобсон Р. В поисках сущности языка//Семиотика. Указ. соч.— С. 116.
6. Там же. С. 108.
7. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре//Изв. СО АН СССР, серия лит. и яз., 1986.— Т. 45.— № 3.— С. 208—233.

8. Апресян Ю. Д., Указ. соч. — С. 211.
9. Там же. С. 220.
10. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. — Л., 1984. — С. 45.

Источники и принятые сокращения

- Christie — Christie A. By the Pricking of My Thumbs. Fontana, 1974.
Hailey — Hailey A. Wheels.— London, 1973.
Ostrovsky — Ostrovsky N. How the Steel Was Tempered.— М., 1973.
Maugham — Maugham S. Theatre. М., 1979.
Quirk — Quirk L., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University grammar of English, М., 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Токко Н. И.</i> О тенденциях процесса неологизации в современном немецком языке : : :	3
<i>Раутио И. М.</i> Структурообразующие принципы сказового повествования и его пространственно-временная организация	12
<i>Двинская В. Т.</i> Явление синкретизма как выражение асимметрии языковых единиц разных уровней	19
<i>Горбель Н. В.</i> Функции притяжательного местоимения и артикля в структуре группы существительного (диахроническое сопоставление) : : : :	28
<i>Резников А. Л.</i> О значении залоговой оппозиции в английском языке : : : :	36
<i>Сырохватова В. П.</i> Типы существительных в родительном падеже у Чосера : : : :	47
<i>Мяки Н. В.</i> Значение и функции прошедших времен в старофранцузском тексте : : : :	55
<i>Парамонова С. А.</i> Семантика и видо-временные характеристики французского глагола	63
<i>Кибардина С. М., Смирнова Т. И.</i> Некоторые особенности реализации валентности глаголов в диалогическом тексте (на материале немецкого языка)	69
<i>Николаева Л. М.</i> Семантика определительных отношений в словосочетаниях с относительным прилагательным и субстантивным композите (на материале современного немецкого языка)	75
<i>Коканина Л. Б.</i> Своеобразие функции компаративной фразеологии в немецком языке Швейцарии	84
<i>Бочкарева Л. Ф.</i> Изменение значения и становление многозначности древнеанглийского существительного GEMYND	92
<i>Разумовская В. А.</i> Эксплицитные маркеры экспрессивности английских глаголов на морфологическом уровне (функционально-семантический аспект)	99
<i>Рябова М. Ю.</i> Семиотичность и функционирование видовременной системы (на материале современного английского языка)	107